

Арина Теплова

СУЖЕНЫЙ

Княгиня Имеретии

18+

Суженый

Арина Теплова

Суженый. Княгиня Имеретии

«Автор»

2022

Теплова А.

Суженый. Княгиня Имеретии / А. Теплова — «Автор»,
2022 — (Суженый)

1815 год. Богатый грузинский князь Серго Асатиани решает жениться на русской подданной. Молодая невеста приезжает в далекую Грузию на предстоящую свадьбу. Однако под именем графини Елены Бутурлиной скрывается совершенно другая девушка – бедная дворянка Софья Замятина. Попав в круговорот интриг и мести местной знати, Софья пытается выжить в опасном краю. Вторая книга дилогии «Суженый».

© Теплова А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Любимая	5
Глава I. Свадьба	6
Глава II. Молодая княгиня	12
Глава III. Просьба	17
Глава IV. Обман	22
Глава V. Желание	27
Глава VI. Грубиян	32
Глава VII. Любовники	37
Глава VIII. Беглянка	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Арина Теплова

Суженый. Княгиня Имеретии

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Любимая

Жертвуй ради любимой всего ты себя,
Жертвуй тем, что дороже всего для тебя.
Не хитри никогда, одаряя любовью,
Жертвуй жизнью, будь мужествен, сердце губя!
О. Хайям

Глава I. Свадьба

Имеретия, Тернали, 1815 год, 23 июня

Закрытая коляска остановилась у невысоких открытых церковных ворот. Отодвинув занавесь, Софья посмотрела в окно кареты, отметив многочисленных гостей, толпившихся на паперти. Девушка отодвинулась и печально взглянула на Гиули, сидящую напротив нее. В этот момент дверца открылась, и лакей услужливо замер у входа, ожидая, пока будущая княгиня Асатиани соизволит выйти.

Некоторое время Софья сидела внутри, собираясь с духом и не решаясь покинуть карету. Все утро, пока Гиули помогала ей собираться на венчальное торжество, она напряженно думала об угрозах Георгия Асатиани, произнесенных накануне, и теперь действительно опасалась его нападения.

– Что-то не так, госпожа? – поинтересовалась Гиули.

Софья в ответ отрицательно нервно помотала головой и, опершись о руку лакея, вышла из кареты, с опаской оглядываясь по сторонам. Амира не было видно. Она прошла несколько шагов вперед и вновь оглядела паперть. Многочисленные приглашенные, одетые в разноцветные грузинские богатые наряды, с интересом смотрели в ее сторону. Девушка невольно подняла голову и увидела на верху лестницы, ведущей в храм, князей Серго и Левана. Леван Тамазович сделал ей знак рукой – приблизиться. Софья, озабоченно озираясь по сторонам, быстро устремила к ступенькам церкви, желая как можно быстрее войти в спасительную тихую гавань молитвенного дома, где ее бы уже не смогли настичь безумные угрозы Георгия.

Она поднялась по лестнице и вымученно улыбнулась Серго. Молодой человек был одет в белую парадную черкеску, темные штаны и короткие мягкие сапоги, усыпанные драгоценными камнями. Софья вновь отметила, что он слишком худ. Леван Тамазович в черной черкеске из дорогого сукна стоял рядом с сыном.

Едва девушка приблизилась, Серго подал ей руку, и она, вложив пальцы в его жилистую ладонь, последовала рядом с женихом внутрь церкви. Дрожь охватила Софью, едва она вошла в передний предел. Церковь была полна народу. Именитые гости стояли с обеих сторон узкого прохода, устланного длинным тканым ковром-дорожкой, который вел прямо к аналою, где молодых уже ожидал священник.

Молодой князь повел Софью вперед, и девушка, медленно ступая и дрожа всем телом, осторожно держалась за узкую теплую ладонь Серго, который был без перчаток. В какой-то момент она невольно отметила ярко-красное пятно справа. Непроизвольно она бросила взор в ту сторону и тут же похолодела. Георгий Асатиани стоял в первом ряду гостей в гранатово-красной черкеске, и его взор, гнетущий и угрожающий, упирался прямо в нее. Всего на мгновение глаза девушки задержались на Амуре, но этого оказалось достаточно, чтобы ее сердце испуганно замерло. Словно застывшее изваяние, он показался ей опасным и мрачным, а в его взгляде горела тьма. Заметив испуганный взор девушки, Амир упрямо сжал челюсти и медленно чуть склонил голову в знак почтения, опустив серо-голубые глаза.

Именно в этот момент Софья с облегчением поняла, что Амир решил если уж не смириться с ее венчанием, то, по крайней мере, оставить без исполнения свои жуткие угрозы. Девушка подумала о том, что, возможно, все же ее последние леденящие кровь слова остановили его от ужасного шага.

Она перевела глаза вперед и остановилась, ибо они с Серго достигли аналая.

Священник начал бубнить нужные молитвы, и Софья, опустив глаза в пол, пыталась держать себя в руках. Церковный полумрак и угнетающая тишина давили на нее, словно осуждая

ее страшную чудовищную ложь, которую теперь она творила. Все ее существо, напряженное до предела, кричало, что она делает нечто недозволенное и кощунственное. Ибо не имела никакого права находиться здесь в подвенечном платье перед гостями и Богом. Но ее стенающее сердечко твердило ей, что она делает это во благо и спасение старого больного отца и маленького брата. И Бог должен был понять, что она здесь не по своей воле. А лишь является жертвой трагичных обстоятельств, которые требовали от нее исполнить эту неприятную лживую роль.

Через полчаса священник закончил читать молитвы, и посаженные родители, которые держали за молодыми короны, водрузили их на головы нареченным. По велению священника Софья и Серго прошли вокруг аналая и встали на прежнее место. Священник сухо улыбнулся и громко объявил, что отныне они муж и жена.

Теперь по обряду молодые должны были скрепить свой союз поцелуем. Софья медленно повернулась к Серго и устремила на него взор. Тонкая ткань фаты, которая укрывала ее лицо, чуть искажала красивые черты лица молодого человека. И Софья в нервном порыве подняла на жениха глаза, дабы до конца сыграть свою роль, желая только одного: чтобы никто не заметил ее безумного волнения. Молодой князь быстро наклонился к девушке и, даже не подняв ее фату, тихо сказал ей:

– Я рад, моя дорогая, что теперь вы стали моей женой.

Серго как-то напряженно улыбнулся ей уголками губ и стремительно выпрямился. Развернувшись к выходу, он быстро протянул ей руку. Софья опешила и нахмурилась, явно не ожидая подобного поступка от новоиспеченного мужа. По ее мнению, любой брачный обряд должен был закончиться поцелуем. И отчего Серго не поцеловал ее, она не могла понять. Софья повернулась, в каком-то оцепенении вложила свою ручку в ладонь Серго и последовала за ним к выходу.

Шумное празднество продолжалось весь день. После венчания в обширной усадьбе князя Асатиани началось многочасовое обильное застолье с тостами, песнями и с бесчисленными подарками князьям и молодым. Шикарные столы, накрытые в большом саду прямо под открытым небом, ломились от вкуснейших разнообразных яств и бесчисленного вина. Около пяти-сот приглашенных, сидящих по статусу и рангу, располагались за длинными большими столами, пили вино за здоровье молодых, много ели, довольно улыбались друг другу и желали молодым счастья. Местные музыканты искусно играли и пели грузинские песни, ни на миг не прекращая своего действия.

Весь долгий гнетущий день Софья была вынуждена сидеть рядом с Серго за парадным столом, который стоял на почетном месте в середине всей парадно накрытой застольной поляны. От нервного напряжения еда не лезла девушке в горло, и она пила только воду. Лишь ближе к вечеру Софья немного подкрепилась горячими свежими хачапури, лежащими прямо перед ней.

Чуть позже, уже около семи вечера, гости разбрелись по саду, собираясь в отдельные группы, обсуждая и обмениваясь мнениями о происходящем празднестве. Молодоженам Леван Тамазович также разрешил прогуляться, но с оговоркой, что они должны непременно находиться на публике.

Софья тоскливо стояла под раскидистой липой одна. Солнце уже садилось, и слуги начали зажигать на поляне и в саду яркие факелы. То и дело девушка вежливо по-грузински отвечала на поздравления, которые произносили подходившие к ней гости. Этим простым фразам обучила ее Гиули, и Софья уже вполне хорошо произносила некоторые словосочетания на местном языке, не говоря уже о том, что понимала все, что ей говорили по-грузински. Она мило улыбалась подходившим к ней и старалась не показывать гостям, как ей обидно и неловко от того, что уже второй час она стоит у этой липы в одиночестве.

Ее муж Серго уже долгое время болтал чуть в стороне с секретарем Георгия. Князь много смеялся и как-то уж очень ласково смотрел на юношу. Софья печально взирала в сторону молодых людей и думала о том, что заинтересованность Серго в Тито Сабашвилли в последние дни стала просто вызывающей. Она не понимала, о чем молодой князь и секретарь беседуют уже около часа. Но одно она могла сказать точно, что, если бы Тито был девушкой, Софья непременно начала бы ревновать Серго.

Сильно обиженная на новоиспеченного мужа Софья теперь явственно осознала, что ее влюбленность в Серго, которая в начале их знакомства была очень сильной, испаряется с каждым новым днем, с каждым часом пренебрежения к ней молодого князя. И теперь в этом гнетущем одиночестве, напряженно думая о своей трагичной жизни здесь, в Имеретии, Софья осознала, что отстраненность и безразличие Серго сделали свое дело, и теперь она ощущала, что ее сердце почти остыло к молодому князю и она совсем не чувствует прежних любовных порывов к нему.

Амира Асатиани не было видно еще с праздничного обеда, и девушка отчетливо понимала, что мужчине, естественно, неприятно находиться здесь и видеть ее вместе с Серго.

Ближе к девяти к Софье приблизился Леван Тамазович и высокомерно вымолвил:

– Вы, дорогуша, словно прилипли к этому дереву. Отчего бы вам не вернуться к Серго и не пройтись вместе с ним между гостей?

– Но Сергей Леванович, видимо, занят. Он еще два часа назад сказал, что ему надо пообщаться с гостями одному, – произнесла извиняющимся тоном Софья.

Однако князь окинул ее злым взглядом и уже тише добавил:

– Вы, моя дорогая, неверно себя ведете. И отчего же Серго уже который час подряд не жаждет вашего общества?

– Я не знаю, Леван Тамазович.

– Очень плохо, что вы не знаете о том, Елена. Вы должны сами выказывать свое внимание Серго. Должны показать, что он нравится вам. Или это не так?

– Нравится, – солгала тут же Софья, боясь, что князь поймет, что Серго уже совсем не занимает места в ее сердце.

– Тогда вы должны находиться рядом с ним.

– Леван Тамазович, не могу же я навязываться Сергею Левановичу. Он совсем не хочет общаться со мной.

– Вы теперь жена моего сына! И имеете право на многое. Вы должны непременно пойти к нему, и немедленно!

– Но мне неудобно, – пролепетала сконфуженно девушка.

– Если вам неудобно, дорогуша, мы вполне можем отправить вас обратно к вашему отцу в Россию! – с угрозой бросил князь.

– Как к отцу? – произнесла испуганно Софья. – Мы же венчаны с Серго.

– Этого недостаточно! – злое шепотом проскрежетал старик. – Брак не консумирован. Предупреждаю вас, Елена, если Серго сегодня не придет в вашу спальню, я буду очень недоволен.

– Но как же, – замялась Софья, вмиг покраснев от откровенности Левана Тамазовича.

– Да, именно так, дорогуша! Если ваш брак не будет скреплен на супружеском ложе, его вполне можно аннулировать!

Выплюнув эту угрозу, князь Леван отвернулся от девушки и прошествовал в направлении накрытых столов, где в этот момент разрезали зажаренного барана. Софья несчастно поджала губы, смотря вслед удаляющемуся неприятному старику.

– Мой муж мечтает о наследнике, сыне Серго, – услышала Софья за спиной мелодичный голос Верико Ивлиановны. Девушка резко обернулась к женщине. Княгиня едко продолжила: –

И если вы, милочка, ничего не будете делать для этого, мы без сожаления расстанемся с вами. И в этом я поддержу Левана!

Княгиня так же отошла от нее, и девушка вновь осталась одна под деревом.

Софья ощущала, как на ее глаза наворачиваются слезы. Она совсем не хотела идти к Серго. Неужели она на самом деле должна была навязываться мужу и просить его о милостях, когда он не хочет этого? Это задевало ее гордость. Софья не привыкла первой подходить к мужчине. Это, по ее мнению, было неприемлемо и недопустимо. Именно этому учила когда-то ее матушка. Именно мужчина должен был проявить свою заинтересованность первым. А уже затем она могла решать, приятен ей этот молодой человек или же нет.

Но она отчетливо чувствовала, что Серго не хочет общаться с ней теперь. Однако понимала, что должна что-то сделать. Ибо ее положение в этом доме пошатнулось и стало критически опасным. Она знала, что угрозы Левана Тамазовича не пустой звук. Лишь на миг Софья представила, какой скандал разразится, если князь Асатиани вернет ее Бутурлину. Тогда точно ей не поздоровится, а отца граф в отместку наверняка упечет в долговую тюрьму.

Почти полчаса Софья колебалась, стараясь не показать окружающим, как ее душа просто кричит от боли и нервного состояния. Лишь когда солнце уже почти село, она усилием воли заставила себя подойти к Серго, который все так же стоял с Тито, и тихо попросила уделить ей время.

– Елена, я занят. Неужели вы не видите? – раздраженно заявил ей в ответ муж.

Софья выдержала его пренебрежительный ледяной взор и, проглотив унижающую фразу, настойчиво заметила:

– Уже поздно. Я устала. Леван Тамазович сказал, что вы можете сопроводить меня в нашу спальню.

Произнеся эту гнусную омерзительную реплику, девушка невольно сглотнула горечь, появившуюся у нее во рту. Серго окинул ее более заинтересованным взглядом и приказным тоном велел:

– Дорогая, идите в спальню пока одна. Я скоро приду...

Софья, обхватив себя руками, металась по комнате уже второй час, не переставая.

Серго так и не приходил.

Дрожащая и обеспокоенная от того, что новоиспеченного мужа до сих пор не было, она нервно мерила шагами тонкий вышитый ковер на полу, думая о том, что надо что-то предпринять, чтобы завлечь Серго в спальню и чтобы у Левана Тамазовича не было повода быть недовольным ею.

Когда часы пробили двенадцать ночи, Софья затравленно обернулась на циферблат из темного дерева и поджала губы. Она не понимала, где ее муж? Он ведь обещал прийти три часа назад. Единственная мысль о том, что теперь она оказалась на краю пропасти, пульсировала в ее голове. Она четко понимала, что ей надо найти Серго и что-то сделать, чтобы он пришел в их спальню. Но Софья не могла себя заставить искать мужчину и уж тем более не знала, как заставить его сделать то, что ей нужно. Это претило ее сущности. Однако она осознавала, что должна преодолеть свое смущение и гордость и идти за Серго. Иного выхода у нее не было. Ибо на карту сейчас было поставлено не только ее будущее, но и жизнь дорогих ее сердцу людей.

Едва не плача и чувствуя себя до крайности мерзко от всей этой щекотливой ситуации, Софья быстро сняла с головы шапочку и фату. Сменив неудобные белые вышитые коши на мягкие темные туфельки, в которых ходила обычно, она вышла из спальни и, озираясь по сторонам, устремила вперед по коридору.

На лестнице и в парадных коридорах дворца слышались громкие голоса и приглушенная музыка. Опасаясь, что ее заметят, девушка спустилась вниз по черной лестнице, которую обычно использовали дворцовые слуги, и вышла к гостиной. Двери залы были распахнуты.

Вдруг услышав за спиной громкие голоса, Софья тут же спряталась за широкий выступ стены, боясь, что ее увидят. Уже через минуту, не заметив ее, мимо прошли два джигита в белых черкесках, довольно пьяные и о чем-то спорившие. Софья, подождав, пока мужчины войдут в гостиную, где горели свечи и откуда слышались многочисленные голоса, уже хотела заглянуть внутрь просторной огромной залы и посмотреть, там ли Серго, как сзади нее раздался шорох.

Софья резко обернулась и увидела Вагиза, юношу, с которым разучивала лезгинку.

– Вы кого-то ищете, госпожа? – почтительно спросил юноша по-грузински.

– Да, Серго Левановича, – ответила Софья так же по-грузински.

– Его нет во дворце, госпожа. Я видел его полчаса назад в саду. Он как раз направлялся в сторону гостевого лебединого домика, который около беседки с фонтаном.

– Спасибо, Вагиз, – ответила девушка, прекрасно поняв, что сказал юноша.

Благодаря урокам Гиули, Софья уже очень хорошо понимала язык. Правда, говорила еще плохо, но простые фразы ей вполне удавались.

Довольная, что повстречала юношу, который указал ей, где искать мужа, Софья устремилась вновь к черной лестнице. Она прошла узким выходом, выскользнула в сад и стремительно последовала в сторону небольшого искусственного пруда. Спустя некоторое время она приблизилась к небольшому одноэтажному павильону, который находился в отдалении от основных построек. Подойдя к домику, девушка обошла его кругом. Она вознамерилась войти внутрь, чтобы отыскать наконец Серго, потому устремилась к дверям.

Однако у входа ей преградила путь невысокая коренастая фигура джигита в черной черкеске и мохнатой шапке.

– Госпожа, вы что-то хотели? – почтительно спросил по-грузински мужчина, это был камердинер князя Серго.

– Мне сказали, что мой муж, Серго Леванович, здесь, могу я видеть его? – произнесла девушка в ответ так же по-грузински.

– Да, он здесь, госпожа, – кивнул тот. – Но он очень занят. Мне велено никого не пускать к нему.

– Я его жена, и...

– Простите, госпожа, – тут же перебил ее камердинер. – Но господин будет очень недоволен, если я пропущу вас. Прошу, возвращайтесь во дворец. Уже поздно, в саду шатается много пьяных гостей, которые могут обидеть вас. Если изволите, я могу проводить вас до дворца.

– Нет, благодарю, я сама, – буркнула она недовольно.

Софья напряженно сжала кулак в кармане платья, стараясь не показать джигиту, как расстроена этой удручающей ситуацией. Она медленно развернулась и пошла обратно по саду. Но ей безумно хотелось знать, чем это таким важным занят Серго, что она не может видеть его?

В ее голове пульсировала лишь одна мысль – она должна непременно увидеть мужа и добиться, чтобы он все же вернулся с ней в спальню. Именно эта гнетущая мысль не дала ей уйти далеко. Сделав десяток шагов по тропинке в сторону и сделав вид, что направляется в сторону дворца, Софья быстро завернула за угол домика, скрывшись в темноте ночи. Камердинер не заметил ее резкого перемещения и не последовал за ней, оставшись стоять со стороны входа в павильон.

Пройдя еще пару шагов, она увидела в одном из окон павильона свет. Софья устремилась к мерцающему отсвету огня и уже через миг приникла к стеклу. Сначала она ничего не увидела, кроме горящих свечей в ближайшем канделябре, стоящем у окна. Однако в следующий момент, чуть переместив взор в сторону, разглядела на кровати два сплетенных обнаженных тела. Софья напряглась, и ее взгляд неистово впился в развратную картину, которая предстала перед ней. Она отчетливо различила темноволосую голову Серго и его красивый профиль, обращенный к ней. Ее муж, князь, обнимал и ласкал руками женщину, которая лежала под ним. Опешив, она переместила взор на обнаженную худощавую фигуру любовницы мужа и

несколько мгновений напряженно пыталась понять, кто это. Вдруг Серго, как будто желая помочь ей лучше разглядеть свою пассивность, приподнял любовницу, и та встала на колени на постели, так же, как и Серго. Любовники прильнули телами друг к другу, неистово ласкаясь руками и губами.

Зрачки Софьи расширились до крайности от удивления, ибо в партнерше молодого мужа она отчетливо признала Тито, секретаря Георгия. И это повергло ее в оцепенение.

Осознание того, что Серго осыпал ласками именно юного парня, вызвало в существе девушки ледяной озноб, который прошиб ее до кончиков пальцев ног. Софья не могла оторвать ошарашенного взгляда от милующейся парочки. В следующий миг Тито повернулся к Серго спиной, и князь впился в шею юноши алчным поцелуем, с неистовством обхватив руками стройный торс Тито, разминая ладонями его грудь и живот. Не прошло и минуты, как ласки между молодыми людьми стали настолько откровенными и дерзкими, что вскоре вылились в яростный акт похоти и сладострастного бесчинства.

Более не в силах смотреть на эту омерзительную сцену, когда Серго неистово удовлетворял свое интимное желание в объятиях Тито, она резко отвернулась, прикусив губу, чтобы не вскрикнуть от потрясения. Невольно она оперлась лбом о каменную стену павильона, потрясенно смотря перед собой невидящим взором.

Глава II. Молодая княгиня

Мысли в ее голове начали метаться по обрывкам прошлых воспоминаний. Она пыталась осознать, что же видела сейчас в окне и что происходило в данный момент в лебедином домике. Когда-то давно, когда ей было лет двенадцать, Софья, читая отрывок в одной из церковных книг, наткнулась на странное слово «мужеложство». Тогда она спросила у отца, что это значит? Николай Александрович, в свою очередь, скорчив гримасу, выражающую презрение и гадливость, объяснил девочке, что это любовная связь между мужчиной и женщиной, и это по церковным канонам грех, за который отлучают от церкви на долгие годы. Тогда для Софьи так и осталось загадкой, как такое возможно между мужчинами. Но теперь, воочию увидев происходящее между Серго и Тито, она поняла, что это действительно существует.

Следующая мысль, которая пронзила ее сознание, была о том, что, похоже, Тито для Серго был более интересен, чем она, ибо не раз она замечала повышенное внимание мужа к секретарю. Ее же в последние недели Серго жестоко игнорировал, и даже сегодня в церкви муженек не соизволил ее поцеловать. И теперь она прекрасно понимала почему. Минуту назад она отчетливо видела, как Серго целовал именно того, кого хотел, смазливового секретаря, и не только в губы. А в нее молодой князь, видимо, не только не был влюблен, но и, скорее всего, презирал с ее вздохами и влюбленными излияниями.

Всю последнюю неделю на все ласковые слова Софьи Серго как-то кисло и холодно улыбался и совсем не отвечал взаимностью. Но она словно с пеленой на глазах не хотела замечать всего этого. Хотя и ощущала, что происходит что-то странное. А оказывается, все это время молодой князь вздыхал по юношам, а именно по Тито. И именно поэтому в первую брачную ночь не пошел к ней, а решил получить интимные ласки от секретаря.

Эти мысли о мерзкой связи Серго и Тито вызвали в душе Софьи гадливое чувство и досаду. От потрясения на глазах у девушки выступили слезы. Неистовое чувство презрения к Серго вмиг завладело ее сердцем. Не в силах более находиться в этом парке и около этого павильона, где, казалось, даже воздух был наполнен зловонными парами извращения и греха, она устремилась по темному саду в направлении дворца.

Приподняв юбку, Софья быстро побежала по траве, ничего не видя перед собой из-за слез, заволокших ее глаза. Стараясь не споткнуться и всматриваясь через мрачную непроглядную темень в горящие окна дворца, который сиял впереди, она настойчиво шла вперед. Неожиданно наткнулась на нечто твердое и невольно подняла голову. Смуглое суровое лицо мужчины с яркими серо-голубыми глазами предстало перед ней. Она невольно глухо вскрикнула, увидев перед собой Георгия Асатиани. Он был одет в черную черкеску и легкий темный плащ. Руки мужчины вмиг удержали девушку рядом с собой, и он чуть прижал Софью к своей груди. Она же испуганно дернулась от него в сторону, не понимая, как он очутился здесь.

– Софико, не бойтесь, – грудным голосом проворковал Амир над ней, сильнее притянув ее нежное тело. Софья невольно расслабила руки, позволяя прижать себя к широкой груди. Она уткнулась носом в его мощное плечо и ощутила горячее дыхание Асатиани. В следующий миг его рука очень осторожно приподняла ее подбородок, и он, склонившись над ней, посмотрел в ее лицо. – Вы плачете, Софико? – опешив, спросил он.

Софья сглотнула горечь во рту, и неожиданно у нее появилось неистовое желание узнать до конца всю правду. Ведь еще прошлой ночью Амир говорил, что Серго не сможет ее оценить по достоинству и она не нужна князю. И именно эти слова она отчетливо вспомнила сейчас, чувствуя, что он точно знает правду.

– Вы знали о Серго? – выдохнула она.

Лицо мужчины напряглось, и он тихо произнес:

– О его увлечениях?

– Да. О том, что ему нравятся мужчины! – уже не выдержала Софья, нервно выпалив омерзительную по смыслу фразу.

– Знал, – тихо ответил Амир. – Но откуда вы узнали?

– Теперь в домике для гостей я видела князя и Тито. Они... – ее голос сорвался, и она нервно задрожала в его руках.

– Не продолжайте, я понял, – вымолвил он тихо и прижал широкой ладонью ее голову к своему плечу. Он чуть помолчал и в зловещей темноте сада глухо, словно приговор, произнес: – Еще с юности Серго не интересовали девицы, а привлекали парни...

– Боже, – пролепетала Софья и, словно испуганный ребенок, прижалась к Амиру, как будто не хотела верить его жутким словам.

– Я говорил тебе, Софико. Но ты не хотела понимать, – заметил глухо Амир, переходя на интимное ты. Девушка молчала, как-то испуганно прижимаясь к нему. Он наклонился сильнее к ее ушку и ласково прошептал: – Тебе нехорошо? – Она продолжала молчать и не шевелилась. Видя, что с ней что-то не так, Амир заботливо произнес: – Пойдем, я провожу тебя в комнату.

– Нет, побудь здесь со мной, Амир, прошу, – вдруг выпалила она нервно.

Словно боясь, что он отойдет, она сама обвила его крепкий торс руками, чем вызвала у Амира неподдельное удивление. В ответ он сильнее стиснул ее стройный стан. Впервые услышав от нее «ты», Амир окончательно растрогался. Не в силах сдержаться, он склонил голову к ее волосам и прикоснулся губами к макушке.

Немного успокоившись, Софья ощутила, как от его крепких надежных объятий по ее телу разливается живительное трепетное тепло, успокаивающее израненную душу.

– Зачем ты бегаешь за ним и так унижаешься? – спросил вдруг Амир глухо с надрывом.

– Я... – она замялась.

– Неужели ты позабыла о стыде, Софико? – продолжал он глухо. – Или, когда дело касается Серго, все для тебя допустимо?

– Ты не понимаешь, – напряженно ответила девушка. – Мне надо, чтобы он сегодня пришел в мою спальню.

– Надо? Ты любишь его? – спросил он с ревностью.

– Наверное, нет, – колеблясь, ответила Софья.

– Тогда зачем ты теперь следишь за ним и...

– Да не могу я иначе! – выпалила в отчаянии она, устремив на него полный боли взор, и из ее глаз брызнули слезы. – Иначе Леван Тамазович отправит меня обратно к отцу! Понимаешь? Князь сказал на празднике, что я должна соблазнить Серго и сделать так, чтобы он пришел ко мне в спальню. А Серго пропал куда-то. Вот я и пошла искать его. А мне нельзя возвращаться в Петербург!

– Ты так боишься своего отца?

– Да, – нервно выдохнула она, солгав. – Я так не хотела ехать сюда. Но батюшка заставил меня. И сказал, что, если я только посмею все испортить и вернусь ни с чем, он лишит меня наследства и обратно в свой дом не пустит.

– И что же, мой дядя угрожал, что...

– Да, – сглотнув, кивнула Софья. – Он сказал, что, если я не буду завлекать Серго, он очень разгневется на меня и отправит домой! – уже в истерике выпалила она. – А мне никак нельзя обратно в столицу. Никак!

– Тише-тише, Софико. Не кричи так. Я все понял, – глухо сказал Амир и вновь прижал голову девушки к своему плечу. – Никто тебя никуда не отправит. Я не допущу этого.

Она вновь уткнулась в него лицом и ощутила, что ее трагичные мрачные думы уже потекли в более спокойном русле. Как она хотела ощутить рядом того, кто хоть немного любил бы ее и ценил. И хоть немного мог пожалеть ее и помочь. Все только постоянно что-то требовали от нее, и она подчинялась чужой воле. Но никто не знал, каких душевных и моральных

сил стоит ей это подчинение. И именно в этот миг Софье показалось, что Амир тот человек, для которого что-то значит ее мнение и ее желания. Ибо теперь он был явно заинтересован в ней. Она так устала от холодности, безразличия и пренебрежительной неприязни окружающих ее людей. Но ее душа всего лишь жаждала найти понимание и тепло, которых так ей не хватало сейчас.

Тяжко вздохнув, она подняла взор на мужчину и невольно выдохнула:

– Мне отчего-то кажется, что ты единственный мой друг здесь...

После ее слов по телу Амира пробежал взволнованный трепет. Он тут же склонился над ее лицом, вглядываясь в глаза девушки и ощущая, что все существо Софики теперь как-то очень настроено к нему. Ее взор, чудесный и манящий, молил о любви и ласке. Подчиняясь ворвавшемуся в его сердце страстному порыву, Амир медленно склонил голову к ее губам и впился пылким поцелуем в сладкие уста девушки. Неистовство его жгучего поцелуя заставило Софью вмиг позабыть обо всем, ибо его сильные объятия были так притягательны. Ее существо наполнилось ликованием от того, что она нужна этому мужчине. Подчиняясь неистовому порыву, она обвила руками шею мужчины и ответила на его поцелуй, стараясь ласкать его так же страстно, как и он ее.

Не прошло и пяти минут, как Амир отстранился от нее и, тяжело дыша, хриплым голосом глухо произнес:

– Софики, ты поедешь со мной? Поедешь?

В этот миг все ее существо напряглось до предела. Именно сейчас она яростно ощутила, что хочет поехать с ним и хотя бы на время отпустить от себя бесконечные страдания. Как она жаждала просто забыться в его надежных объятиях. Она чувствовала, что этот сильный надежный мужчина может помочь ей избавиться от страхов, холода в сердце и постоянной борьбы. Что он хочет защитить ее от всех невзгод и помочь. А Софья так хотела просто быть любимой и желанной, а не разменной монетой, каковой ее считали Елена Бутурлина, старый князь Асатиани и даже Серго. Она видела, что Амир не отрывает от ее лица напряженного горящего взора, ожидая ее ответа. Она тихо вздохнула и медленно чуть прикрыла глаза, наклонив подбородок, показывая своим еле заметным жестом, что согласна уехать с ним.

Он все понял даже без слов.

Более не медля ни секунды, Амир быстро выпустил ее из своих объятий и стремительным движением, стянув с себя черный плащ, накинул его на плечи девушки. Длинные полы полностью скрыли ее подвенечное грузинское платье. Асатиани легко поднял девушку на руки и, с каким-то благоговейным трепетом прижав ее к своей груди, быстрым шагом направился в противоположную сторону от дома, по темному парку. Уже через некоторое время мужчина водрузил Софью на своего коня и проворно вскочил в седло позади нее. Обвив ее тонкий стан сильной рукой, Амир усадил девушку на свои бедра, боком к себе, чтобы ей было удобно. Притиснув ее сильнее к своей груди, он пришпорил жеребца и поскакал прочь. Они миновали многочисленные темные постройки на окраине усадьбы Асатиани и устремились в сторону проезжей дороги.

Не прошло и четверти часа, как Софья ощутила, что рука Амира начала ласково гладить ее спину, вторая же зарылась пальцами в ее волосы, перебирая их на затылке. Она невольно повернула к нему лицо, и тут же его губы вновь накрыли ее рот. Вскоре обе руки мужчины уже с неистовством разминали ее стан, яростно и дерзко проходясь ладонями по выпуклой возвышенности груди, тонкой талии, упругим ягодицам и бедрам. Лишь мускулистыми сильными ногами Асатиани направлял коня и удерживал контроль над ним. Это было так необычно и даже опасно, по мнению Софьи, ехать на скачущем жеребце, которого Георгий направлял лишь одними ногами. Конь же умело проносился мимо многочисленных кустарников и деревьев, не натываясь на них.

Все существо Амира трепетало и было наполнено ею. Позабыв обо всем и лишь ощущая упоительную близость Софико, он неистово ласкал и прижимал ее податливое стройное тело к своей груди.

Эта прелестная красавица, о которой он так долго грезил, которую столько уговаривал, наконец трепетала в его объятиях. И это осознание ее упоительной близости и того, что она согласилась уехать с ним в его дом, были для него словно сказочный нереальный сон, в который невозможно было поверить. Оттого, хоть и понимая разумом, что надо доехать до дома и уже там продолжить все эти ласки, Амир, словно одержимый, не мог унять своих порывов и чувствовал, что его просто раздирают страстные жгучие желания, лишь от одного осознания, что она решила отдаться на его милость и стать его.

Еще через некоторое время, окончательно ошалев от покладистости и пылкости девушки, которая уже обвивала его шею руками и ласкала кончики его волос пальцами, он ощутил, что его желание стало невыносимо, а возбуждение достигло предела, причиняя физическую боль в паху.

Он понял, что просто не в силах ехать до дому оставшиеся двадцать верст. Отстранившись от Софико, Амир огляделся и, резко осадив коня, остановил его. Проворно спрыгнув с жеребца, он схватил поводья и потянул коня чуть в бок в сторону густых кустарников. Едва они достигли более уединенного места, мужчина стремительно протянул руки к девушке и сдернул ее с седла.

На долгий миг их глаза встретились. Софья отчетливо увидела невероятную нежность в его горящих серо-голубых очах. Именно в это мгновение она неистово захотела, чтобы этот мужчина излечил ее страдающее сердце своими ласками и душевным теплом. Именно он, такой мужественный, сильный, настойчивый, теперь полностью занимал все ее помыслы. Она чувствовала, что мужчина жаждет получить от нее большее, и понимала, зачем он привез ее сюда. Она вспомнила, как он спас ее от смерти и долго добивался ее расположения, несмотря на все протесты. И именно теперь, когда Серго развлекался со своим любовником, Амир утешил ее своими словами, сказав, что защитит от князя Левана, а она так нуждалась в понимании и защите. И Софья отчетливо осознавала сейчас, что этот мужчина, такой суровый и такой упорный, заслуживает не только ее расположения, но и взаимности и ответного порыва с ее стороны.

В следующий миг образ изменника-мужеложника Серго окрасился в темные неприглядные тона, и она, устремив на Амира взволнованный трепетный взор, пролепетала:

– Я хочу быть твоей, Амир...

Не в силах оторвать замороженного взгляда от ее нежного бледного лица, Амир увидел, как печален ее чудесный яркий взор, который проникал в самую его душу и вновь молил о ласке и защите. Чувствуя, как звук ее мелодичного голоса, а более страстный трепетный смысл ее фразы, как клин, ударил его в самое сердце, Асатиани безумно притиснул девушку к себе и впился алчным поцелуем в ее губы. Быстро подняв Софью над землей, он проворно последовал к большой поляне, раскинувшейся у темного леса. Луна, которая уже высоко сияла бледным пятном в небе, едва освещала это место. Осторожно поставив девушку на ноги, Амир одним движением стянул с нее темный плащ и стремительно раскинул его на мягкой траве. Тут же сильной рукой обхватив девушку за талию, он неумолимо потянул ее вниз, укладывая на плотную ткань и вновь захватывая в плен ее губы.

Через некоторое время ласки Асатиани стали еще более неистовыми и дерзкими. И он, накрыв ее тело своим и стараясь как можно меньше давить на нее, уже осыпал пламенными поцелуями ее нежную кожу на шее и лицо, в то же время разминая и лаская ее тело ладонями.

Она не сопротивлялась ему и, подчиняясь яростному порыву, так же целовала в ответ, гладила руками его широкие плечи и шею, запуская тонкие пальцы в густые темно-русые волосы. В какой-то момент, чувствуя, что более не в силах сдерживать свое жгучее жела-

ние, Амир начал быстро расстегивать ее одежду, и уже спустя пару минут девушка оказалась полуобнаженной. На ее теле остались лишь шелковые белые чулки и короткая полупрозрачная рубашечка на тонких бретельках. В нетерпении мужчина лишь задрал вверх эту тонкую вещицу, обнажая полную упругую грудь и подставляя ее своим нетерпеливым губам, которые тут же начали осыпать нежные полушария пылкими поцелуями. Он с трепетом и наслаждением приподнимал тонкий стан девушки над плащом, сильнее притягивая ее тело к своему лицу. Его жгучие поцелуи перемешивались с ласковыми грузинскими словами, которые шепотом срывались с его уст.

Софья через слово понимала ласковый любовный смысл его фраз, и ей нравился страстный напор Амира, умелые ласки его мускулистых рук, и она, опьяненная его неистовым желанием, которое сквозило во всех движениях мужчины, отвечала на его страсть. Прикрыв глаза и прогибаясь всем телом навстречу, она нежно ласкала его плечи и шею, настойчиво проходясь по ним дрожащими пальцами. В какой-то миг Амир что-то глухо пробормотал, неумолимо раздвигая ее ноги.

Все произошло быстро и стремительно. Резкая сильная боль пронзила промежность Софьи в один миг, и она, испуганно распахнув глаза, замерла, вперив в напряженное лицо мужчины недоуменный взгляд. Амир, приподнявшись над ней на руках и загоразживая своими широкими плечами звездное небо, в упор смотрел поглощающим затуманенным взглядом в ее яркие испуганные глаза. Он приподнимался и опускался над ее телом, сильной ладонью сжимая бедро девушки и неумолимо направляя ее тело навстречу себе. Через его приоткрытый рот вырывалось глухое горячее дыхание. Софья ощутила, как от его стремительных движений ее лоно пронзает острая жгучая боль, которая была неведома ей ранее. Инстинктивно она напряглась и попыталась отстраниться от Асатиани.

Вмиг считав ее испуг и изменившееся поведение, Амир быстро наклонил голову и впился требовательным и нежным поцелуем в ее губы, пытаясь заглушить немой протест. Он переместил руку чуть выше и властно сжал ягодицы девушки, словно заключая их в ловушку, продолжая неумолимые мощные движения бедрами, которые то поднимались, то опускались между ее ног. Свободной рукой обхватив ее затылок, он утопил пальцы в густом ворохе волос, прижимая лицо Софьи к своим нетерпеливым ласкающим губам. Властно подчиняя ее изящное податливое тело себе, он даже на секунду не давал девушке возможности отстраниться, продолжая свое неистовое яростное действие.

Софья, находясь в капкане его ласкающих губ и сильных неумолимых рук, была вынуждена подчиниться его страсти. Словно в каком-то бреду она пыталась осознать, что происходит, и не могла понять, отчего мужчина, который только что казался ей таким ласковым, превратился в некоего неумолимого тирана, который хотел подчинить ее своей воле, даже несмотря на ее недовольство. Боль в промежности через несколько минут чуть утихла, но девушка, чувствуя, что ей неприятно, все равно пыталась высвободиться, раздосадованная всем происходящим.

Глава III. Просьба

Все продолжалось не более четверти часа. В какой-то миг Амир замер, в последний раз вклинившись в податливое нежное лоно девушки, и глухо застонал. Он уткнулся горячим лбом в ее шею и, стиснув ее в своих руках, иступленно прижал обнаженное тело Софьи к себе.

Через некоторое время девушка ощутила, что все закончилось, и нервно посмотрела на Асатиани. Мужчина так и был облачен в свою черную черкеску. Это показалось девушке диким и невозможно вызывающим по сравнению с ее обнаженным телом. В следующий миг Амир осторожно поднялся с нее. Не произнеся ни слова, он оправил свою одежду и сел рядом с нею на колени.

Софья же так и лежала на плаще, раскинув руки, расслабленная и опустошенная, с открытыми глазами, лишь переместив взор на ночное небо, усталое мириадами звезд. Ошарашенная, испуганная, трепещущая, она пыталась вернуться в реальность.

– Софико? – в ее сознание врезался тихий настойчивый баритон Амира.

Она вздрогнула, когда ощутила, как его теплая ладонь проехала по ее обнаженному животу, лаская вверх к груди. Тут же придя в себя, она наконец осознала, что произошло. Ибо последний час она была явно не в себе и творила такое, о чем сейчас даже боялась думать.

Сначала она долго переживала и нервничала от того, что Серго не идет в спальню, потом это жутковатое видение соития Серго и Тито, потрясшее ее до глубины души, а затем ласковое покровительственное отношение Амира, который успокоил ее, сказав, что защитит от всего зла. Тогда она так растрогалась от его слов, что все ее существо просто устремилось навстречу к нему. Она словно попала в какой-то трагично-сладостный сон, в котором был только Георгий Асатиани, его душевное участие, сладостная близость и такая необходимая ей защита. В те мгновения она так хотела ответить мужчине тем же, что-то сделать для него, чтобы показать, как ценит доброе отношение к себе. Оттого она позволила ему все, что он хотел. А потом, ощущая, что сама вся просто горит и жаждет его ласк, не остановила.

Однако теперь мысли девушки дико заметались. Она осознала, что сейчас совершила нечто недозволенное и чудовищное. Между ног от его натиска у нее все еще саднило. И Софья, словно опомнившись, поняла, что совершила то, от чего когда-то давно предостерегала ее мать. Она отдалась мужчине без венчания и без любви. Да, теперь она была влюблена в Амира, но была ли это настоящая любовь, не знала. Она отчетливо понимала лишь одно, что отдалась ему только в благодарность за его доброе участливое отношение.

Вдруг Софья почувствовала, как рука мужчины быстро провела по ее бедру и промежности, и едва не вскрикнула от его дерзкого поступка, но он тут же убрал руку. Она перевела на него напряженный взгляд, не понимая, зачем он это сделал, ощущая себя неловко. Она видела в лунном свете его склоненную фигуру и то, как он поднес ладонь к своему лицу.

Амир напряженно рассматривал ее кровь на своих пальцах, понимая, что ему совсем не показалось и чуть ранее он отчетливо ощутил преграду ее лона, преграду, которую пришлось преодолеть с явным мощным усилием. Теперь же он нашел явное подтверждение тому, что девушка была девственна.

– Ты была чиста? – выдохнул он пораженно и устремил пронзительный взор на нее.

Софья, скрестив руки на обнаженной груди, медленно села. Взмолвленно посмотрев прямо ему в лицо, она тихо спросила:

– Чиста?

Амир нахмурился сильнее, недовольный тем, что она не поняла его вопроса.

– Ты никогда не была близка с мужчиной? – спросил он глухо, не сводя с нее напряженного давящего взгляда.

Только теперь она поняла, о чем он спрашивал. Вмиг смутившись, она опустила взор вниз и отрицательно медленно помотала головой. Краем глаза она увидела, как его большая фигура как будто окаменела, и он некоторое время не шевелился. Его взор, направленный на нее, просто испепелял. Она не понимала, что не так, разве он ожидал чего-то другого? Ее щеки вмиг заалели, и она чуть отвернула от него лицо. Не понимая, что делать и как дальше себя вести с ним.

Лишь спустя пару минут долгого гнетущего молчания Амир наклонился к ней и очень осторожно поцеловал ее в висок.

– Оденься, Софико, прохладно, – произнес он очень ласково и проворно подал ей одежду.

Невероятно смущенная всей этой ситуацией Софья, пытаясь не смотреть на мужчину, начала послушно надевать свое платье.

Амир почувствовал, как его существо наполняется восхищением и радостью от того, что Софико оказалась девственна и теперь подарила свою чистоту именно ему. Отчего-то в эти трепетные интимные мгновения, пока девушка под его напряженным взглядом облачалась в платье, он вспомнил тех немногих фривольных девиц-фрейлин при дворе российского императора, которые совсем не берегли свою честь. Они были ровесницами Софико, но почти все в эти лета уже давно потеряли свою девственность с придворными кавалерами. И вели довольно развратный образ жизни.

Но, видимо, Софико была не из их числа. И теперь это открытие потрясло Амира до глубины души. Он вдруг понял, отчего она стеснялась его тогда у реки, когда мылась, и позже, когда он пытался настоять на своем желании. И теперь он пораженно осознал, что Софико одна из тех самых девиц, которых оберегали от разврата и держали взаперти родители. Именно о таких невинных правильных девицах говорили его сослуживцы по полку и которых потом молодые дворяне брали замуж. Но в реальной жизни в Петербурге Амир встречался только с одной такой невзрачной девицей, к которой он сватался и которая совсем не вызвала в нем желания узнать ее ближе.

И это было просто поразительно. Ибо Амир никак не мог поверить в то, что Софико, такая невероятно прекрасная, соблазнительная, изящная, имеющая цельный яркий характер, сильная духом, с нежным пылким темпераментом, который он с удивлением обнаружил теперь при их близости, могла устоять от искушения и оставаться девственной так долго. Неужели ни один мужчина при дворе императора даже не пытался приблизиться к ней и подчинить ее прелестное тело своим желаниям? Со слов дяди он знал, что графиня Бутурлина была одной из самых ярких фрейлин двора, и до этого времени Амир даже не сомневался в ее знаниях в интимной сфере.

Не в силах удержаться от вопроса, Асатиани, темным взором следя за тем, как девушка поспешно застегивает на груди платье, напряженно спросил:

– Почему ты до сих пор не потеряла девственность, Софико? Неужели ни один мужчина не хотел тебя?

Она тут же вперила в его лицо пораженный взор.

– Как вы можете спрашивать подобное, Георгий Петрович? – выпалила возмущенно Софья, и ее щеки вмиг покраснели от стыда, и она перешла на холодное вы.

– И что я такого спросил, Софико? – приподнял удивленно брови мужчина. – Я хочу знать – отчего до этого дня ты сохранила свою чистоту? Разве придворные щеголи не соблазняли тебя? Не хотели тебя?

– Боже, ваши вопросы просто невозможны, – пролепетала она.

Отвернувшись от него, девушка проворно встала на ноги, оправляя платье.

– Говори, Софико! – уже раздраженно заметил Амир, тут же поднявшись за ней и накинув на свои плечи плащ. В следующий миг он стремительно сделал пару шагов к Софье и,

обвив стан девушки руками, неумолимо прижал ее спиной к своей груди. Уже громче он выпалил: – Ну!

– Боже! – пролепетала она, поджав губы и понимая, что он не отстанет, и нервно выпалила: – Оттого что я не позволяла никому вольностей. Покойная матушка учила меня этому. Я хранила себя для мужа, неужели это непонятно?!

Он долго молчал, продолжая удерживать ее стройный стан под грудью в железной ловушке своих рук. Лишь через минуту на его суровом лице появилась ласковая белозубая улыбка.

– Я так рад этому, Софико, – проворковал Амир над ней. Он приник губами к ее виску страстным поцелуем. Софья же не могла понять своих чувств. Была ли она рада тому, что произошло, или нет? Но сейчас, как будто придя в себя от дурмана, она понимала лишь одно: ее место теперь было во дворце Асатиани рядом с ее мужем Серго. А не здесь, в темном лесу с Амиром. Она понимала, что поддалась минутному дикому порыву, и теперь все вышло так непонятно, аморально и неправильно. Уже через миг, властно подняв девушку на руки, Амир прошептал у ее лица: – Мой сладкий цветочек.

Спустя несколько минут Асатиани запрыгнул в седло и посадил Софью впереди себя, боком, положив ее ноги поверх своих бедер. Крепкой рукой он по-свойски прижал девушку к себе и, уткнув свое лицо в ее макушку с распущенными волосами, тихо, словно приговор, прошептал:

– Красавица... моя...

Он умело направил ногами коня и галопом поскакал прочь с поляны.

Некоторое время Софья тихо сидела, не произнося ни слова, нервно кусая губы, и мучительно думала о том, как исправить то, что уже натворила и что в дальнейшем могло разрушить не только ее жизнь, но и будущее ее отца и брата. В какой-то момент, понимая, что далее подчиняться этому мужчине опасно, она обратила свой трепетный взгляд на лицо Амира и пролепетала:

– Вы везете меня к себе в дом?

– Да, – грудным голосом ответил мужчина.

– Прошу, не надо туда ехать. Мне надо вернуться во дворец, – попросила она.

– Софико, ты сама пошла со мной, я не заставлял тебя, – увещательно заметил он.

– Я просто хотела уйти от всех этих людей, и все, – попыталась объяснить Софья.

– Это ложь. Ты ушла именно со мной.

– Я была не в себе, Георгий Петрович. Я не понимала, что делаю.

– Софико, перестань, – уже недовольно вымолвил он. – Ты прекрасно понимала, куда я звал тебя. И я это знаю.

Они замолчали и некоторое время ехали молча.

Софья испуганно представляла, какой наутро будет скандал, если откроется, что она уехала с Георгием. Она прекрасно понимала, что князь Асатиани разгневается и непременно отпишет графу Бутурлину в Петербург. И теперь единственным выходом из этой щекотливой опасной ситуации для нее было немедленно вернуться обратно во дворец, пока никто не хватился ее.

Вновь обратив свой взволнованный взор на Амира, Софья с мольбой в голосе произнесла:

– Прошу, Георгий Петрович, поедemте обратно во дворец.

– Нет, – тут же отрезал Амир с горячностью. Сильнее стиснув стан девушки рукой, он притиснул свои губы к ее волосам и властно добавил: – После того, что сейчас произошло, ты моя жена. – Он чуть помолчал, отметив, как она вновь опустила взор и недовольно поджала губы. Тут же, чуть остыв, Амир понял, что с Софико нельзя так жестко обращаться, как с девицами с гор, оттого он несколько раз глубоко выдохнул, пытаясь успокоиться, и уже ласково, словно уговаривая, проворковал: – Поедем со мной, Софико. Прошу тебя... ты не пожа-

леешь... я буду заботиться о тебе... поедem... я никогда никого так не просил... ты должна согласиться... я познакомлю тебя с родителями...

– Нет, это невозможно, – несчастно выпалила она, замотав яростно головкой. – Утром будет скандал. Князь Леван разозлится, я чувствую. Он отпишет моему отцу в Петербург. И тогда будет ужас что такое!

– И что ж? Мне все равно!

– Нет, нельзя так. Вы думаете только о себе, – увещательно продолжала Софья, устремляя на него нервный взор. – Я должна вернуться. Прошу, Георгий Петрович, если вам меня хоть немного жаль, прошу, отвезите меня во дворец Асатиани! Прошу вас!

– Софико, ты стала моей! – нервно выпалил Амир, трагично понимая, что девушка совсем не желает ехать с ним.

И это до крайности раздражало его.

– Пусть так, – согласилась она с горечью.

– И отныне ты принадлежишь мне!

– Но я жена Серго, и мой долг быть рядом с ним.

– Хочешь, я сегодня же сделаю так, что его не станет?

– Нет, прошу вас! – выпалила она нервно. – Не надо крови! Я никогда не прощу себе этого!

– Софико, даже не проси вернуться! – возмутился он уже гневно. – Назад пути нет.

– Остановите коня, или я спрыгну! – с угрозой вымолвила девушка и попыталась слезть.

Тут же рука Асатиани сжала ее талию железным кольцом, не давая даже пошевелиться.

– Не глупи, Софико! – уже зло прорычал Амир, видя, что девушка настроена решительно. – Я тебя все равно не отпущу.

– Георгий Петрович, если...

– Мое имя Амир! – процедил он в бешенстве, перебив ее.

– Амир! – вспыхнула она под стать ему. – Если вы немедленно не повернете обратно, я... я более даже не заговорю с вами! – уже с угрозой вымолвила она и попыталась отцепить его руку со своей талии. Он молчал и упорно не отпускал ее, лишь чуть придержал жеребца. – Клянусь! Я возненавижу вас! – добавила она в запале, устремив на него яркий взволнованный взор.

– Не надо угроз, Софико, – произнес Амир.

Он натянул поводья и быстро остановил жеребца. Она поняла, что он уже заколебался, что у нее есть шанс уговорить его и изменить властное решение. Протянув руку к его лицу, она ласково провела пальцами по щеке и с придыханием вымолвила фразу, которая, по ее мнению, должна была убедить его:

– Амир, ты же прекрасно понимаешь, я не могу уехать с тобой. Пойми, мое место во дворце. Или ты хочешь развязать вражду в вашем семействе?

– Я не боюсь этого, – ответил он глухо.

– Пусть так. Но зачем нужна эта вражда? Давай решим все мирным путем, – пыталась убедить она его.

– Это как же, Софико? Я не знаю мирного способа забрать тебя у Серго.

– Послушай меня, – начала Софья увещательно, удерживая его недовольный мечущий молнии взор в плену своих глаз. Ее рука переместилась на его плечо, поглаживая и успокаивая одновременно. – Мы вернемся во дворец. И никто не заметит, что я уезжала. А завтра мы все хорошенько обдумаем и решим спокойно. Но сейчас прошу, поедem во дворец. Скоро будет светать. Меня хватятся, и будет скандал. Умоляю тебя! – добавила она уже так трагично и моляще, что что-то надорвалось внутри Амира, и он понял, что должен уступить ее мольбам.

Он видел, что она вот-вот заплачет. И осознание того, что Софико теперь несчастна отчего-то, а еще больше – воспоминание об упоительной близости, которую она подарила ему, не давали ему просто так игнорировать ее желание. Впервые Амир ощутил, что хочет не про-

сто понять Софико, но и угодить ей, сделать так, как она просит, только для того, чтобы она была довольна им.

– Ладно, Софико, – кивнул Асатиани, заставляя свои чувства и сердце замолчать железным усилием воли. – Хоть мне это не по нраву, я отвезу тебя обратно во дворец. Но обещай, что завтра же мы все обсудим и решим. Ты обещаешь?

– Да, – закивала Софья облегченно и как-то печально нежно улыбнулась ему. – Я знала, что ты разумный человек и поймешь меня. Я не хочу позора. А я боюсь, что Леван Тамазович и Серго разгневаются. А вдруг они уже ищут меня?

– Вряд ли, – пожал плечами Амир, разворачивая жеребца и пуская его в обратный путь. – Когда я видел дядю в последний раз, он был пьян и валялся на подушках в садовой беседке со своими собутыльниками, а Серго, я думаю, спит теперь в объятьях Тито.

– Да, и это ужасно. Если узнают, что мой муж... – она замялась.

– Ты боишься этого?

– Боюсь. Это так унижительно, когда твой муж в первую брачную ночь пренебрегает тобой. Все только и будут об этом говорить.

– Это его грех, Софико, не твой, – тут же буркнул Амир. – Поверь, и я даю руку на отсечение, что большая часть мужчин, если не все, что присутствовали на свадьбе, бегом бы побежали в спальню, где ждала бы такая прелестница, как ты. Лишь развратные себялюбцы, как Серго, которые слишком испорчены, чтобы оценить женскую красоту, могут поступать так. Поверь, если бы не я, нашлись бы другие желающие заслужить твое расположение. И я знаю это точно. Потому еще вчера я сообщил особо рьяным, что первый, кто приблизится к тебе на непозволительное расстояние, будет иметь дело со мной. Я видел, какими глазами все эти молодые джигиты смотрели на тебя вчера, когда ты танцевала.

– И ты что же сказал им... – запнувшись, спросила девушка, опешив от его заявлений.

– Что ты под моим покровительством.

– Но зачем ты это сказал? Они могут подумать, что между нами что-то есть, – пролепетала она в ужасе.

– Пусть думают что хотят. Мне это безразлично. Я лишь знаю, что они побоятся связываться со мной.

Они замолчали, и через какое-то время Софья вымолвила:

– Я очень боюсь, Амир. Если Леван Тамазович узнает, что Серго не ночевал в моей спальне, он придет в ярость и точно отправит меня к отцу.

– Я все устрою, не беспокойся, Софико, – тихо заметил Амир. – Сделаю так, что все подумают, что эту ночь Серго провел с тобой.

– Да?

– Да. Доверься мне, мой цветочек, – кивнул он, нежно целуя ее в висок. – Но только не забудь, что ты обещала мне завтра все решить относительно нас...

Глава IV. Обман

Они вернулись в усадьбу, когда занимался рассвет.

Остановив своего жеребца у конюшен, Амир, проворно спешившись, протянул руки к девушке и снял ее с коня. Однако не поставил на землю, ибо здесь было довольно грязно, а, легко перехватив ее стан, поднял на руки. Быстрым шагом, чуть осматриваясь по сторонам, мужчина последовал в сторону дворца, который сиял на рассветном мрачном небе светлым большим пятном. Уже у дальней границы сада Софья попыталась спуститься с его рук, вымолвив:

– Далее я смогу сама дойти, Амир.

Он обратил на нее строгий поглощающий взор и, сильнее прижав тонкий стан девушки к себе, властно вымолвил:

– Одна не пойдешь. В усадьбе полно незнакомых людей. Еще не хватало, чтобы какой-нибудь пьяный джигит воспользовался твоей беззащитностью и затащил в кусты.

– Боже, Амир, ты, конечно, преувеличиваешь! – возмутилась Софья.

– Софико, не спорь, мне лучше знать об этом.

Увидев в его глазах упорное властное выражение, она вздохнула и более не сопротивлялась. Покорно положив свою голову к Амиру на плечо, она позволила ему нести ее по темному саду. И совсем не удивилась, когда Асатиани направился не в сторону парадного дворцового въезда, а к заднему входу для слуг. Он шел быстро, не останавливаясь. Софья, невольно озираясь вокруг, молилась только об одном, чтобы их никто не увидел. Лишь около дворца, у дверей, им неожиданно повстречался один старый слуга, который, увидев Амира с Софьей на руках, удивленно округлил глаза.

Асатиани, тут же вперив в него темный взор, глухо угрожающе произнес:

– Ты ничего не видел. А если откроешь рот, то...

– Я ничего не видел, Амир-паша! – тут же выпалил почтительно старик и быстро засеменил в сторону цветников.

Далее Амир беспрепятственно достиг спальни девушки и, осторожно толкнув дверь, вошел внутрь. Проворно захлопнув дверь ногой, он подошел к кровати и бережно опустил Софью на покрывало. Выпрямившись, окинул напряженным мрачным взором девушку, сидевшую перед ним с распущенными и чуть растрепавшимися от ветра и скачки волосами, глухо велел:

– Пока побудь одна. Я скоро вернусь. Не запирай дверь и жди.

– Хорошо, Амир, я поняла.

Асатиани вернулся в ее спальню через четверть часа. С его мощного плеча свисала неподвижная длинная фигура, укутанная в темный плащ. Мужчина быстро приблизился к постели, где так и сидела девушка. Софья тут же распознала в неподвижном человеке Серго. Руки и голова молодого князя безжизненно свисали вниз, и он не двигался.

– Боже, что с ним? – пролепетала испуганно она, тут же вскакивая на ноги и приближаясь к Амиру.

– Он спит и проспит, надеюсь, до утра. Тито подсыпал ему в вино сонную траву по моему приказу.

– Боже...

Быстро положив бессознательное тело Серго на постель, Амир вытянул из-под него плащ, и она увидела, что князь полностью обнажен. Асатиани повернулся к ней, отмечая, что она замерла около кровати и лишь испуганными глазами смотрела на одурманенного мужа.

– Ложись, Софико. До утра он не тронет тебя, – коротко приказал Амир.

– Ты дал Тито поручение усыпить Серго?

– Да, – кивнул он.

– Но зачем? – задала она глупый, по его мнению, вопрос.

Мужчина прищурился и, наклонившись над ней, властно обхватив подбородок Софьи пальцами, поднял ее лицо к себе и нежно поцеловал ее в губы. Через миг он чуть отстранился от нее и, не спуская с ее прелестных зеленых глаз поглощающего взора, властно произнес:

– Неужели ты думаешь, что я позволил бы ему приблизиться к тебе в первую же ночь?

– Но он мой муж, – ответила она нервно и тихо, косясь на храпящего Серго.

Амир тут же наклонился к ней сильнее, и его глаза как-то угрожающе засверкали.

– Ты моя, Софико, – заявил он твердо. – Запомни это. И никто, кроме меня, не имеет права прикасаться к тебе...

– Георгий Петрович, перестаньте, мне не нравятся ваши слова, – выпалила Софья, возмущенная его собственническими заявлениями в ее адрес.

Тут же непокорно скинув его ладонь со своего подбородка, она чуть попятилась. Мужчины недовольно сжал челюсти, явно недовольный ее бунтом. Но уже спустя минуту тяжело выдохнул и глухо повелительно сказал:

– Ложись в постель, уже светает. Завтра поговорим.

Асатиани ласково провел ладонью по ее волосам. Затем, развернувшись, он быстро покинул ее спальню.

Когда дверь за ним закрылась, Софья невольно перевела печальный взор на мужа и тяжело вздохнула. Понимая, что надо делать, она быстро разделась и, пройдя в ванную комнату, вымыла свои бедра от крови. Облачившись в длинную ночную рубашку, аккуратно лежащую на краю постели, Софья легла на кровать, повернувшись к мужу. Она долго несчастно разглядывала его профиль. Он продолжал храпеть, и Софья нервно, почти полчаса тихо, не шевелясь, лежала рядом с ним и думала о том, что не сможет заснуть под этот сильный храп. Однако усталость и многочисленные будоражающие события прошедшего дня сильно утомили ее, и вскоре ее все же сморил спокойный глубокий сон.

Стремительным широким шагом направляясь в сторону лестницы, Амир невольно замер на месте, когда перед ним во мраке возникла стройная женская фигура.

– Госпожа? – невольно выдохнул мужчина, вздрогнув от неожиданного появления Верико Ивлиановны в такой час в темном коридоре дворца.

Одетая во все черное княгиня вплотную приблизилась к Амиру и, напряженно посмотрев прямо в его серо-голубые глаза, тихо строго вымолвила:

– Ты правильно сделал, Амир, что вернул девчонку во дворец. Я видела, как несколько часов назад вы вместе уезжали...

– Это не моя воля. Софико настояла на том, чтобы мы вернулись, – недовольно ответил он, поморщившись.

Немного помолчав, Верико ошарашенно произнесла:

– Я удивлена. Не думала, что эта смазливая девица сможет принять столь мудрое решение.

– Я не буду скрывать от вас правду, Верико Ивлиановна. Я всегда был откровенен с вами. Я не хотел возвращаться. Я намеревался увести Софико в свой дом, – глухо объяснил Амир. – Но Софико ничего и слышать об этом не хотела. Хотя теперь она моя... – добавил он глухо и пронзил княгиню настойчивым утвердительным взором.

– Вы были близки?

– Да. Не обижайтесь, госпожа, но Софико теперь моя жена, а не вашего Серго! – выпалил он быстро и страстно. – И будет моей!

– Амир, успокойся, – тут же властно заявила Верико.

– Софико моя. И как только смогу, я увезу ее к себе!

– Ты слишком горяч и скор в своих решениях! – произнесла в ужасе княгиня.

– Если бы Софико не просила, я бы никогда не привез ее обратно!

Верико чуть помолчала и тихо сказала:

– Амир, выслушай меня. Я люблю тебя как сына, ты знаешь это. Оттого теперь я дам тебе совет, как мать. Оставь все как есть. Девчонка должна жить во дворце.

– Нет. Я не позволю, чтобы она находилась поблизости от Серго. Тем более что теперь он венчан с ней и имеет на нее официальные права.

– И что же ты намерен делать?

– Как можно скорее увезти ее.

– Это будет глупостью. Ты прекрасно знаешь, что этот поступок повлечет за собой. Ты вызовешь недовольство Левана. Ибо он не отдаст тебе эту светлоглазую девицу просто так. Леван слишком долго жаждал породниться с русскими дворянами. Его гнев будет страшен. Он лишит тебя звания своего главного азнаури!

– Пусть попробует, – процедил Амир сквозь зубы. – И тогда большинство азнаури нашего края завтра же взбунтуются! И вы прекрасно знаете это, госпожа!

– Амир, опомнись! У Левана законная власть. И некоторые вассалы очень преданы ему. Он может поднять их против тебя.

– Я не боюсь людей дяди. Мои джигиты гораздо сильнее его прихвостней!

– Ты что же, хочешь развязать резню внутри нашей семьи? Это недопустимо, Амир! Ты неправ! Пойми это!

– Я не отступлюсь от Софико, даже если придется утопить долину в крови, клянусь! – вымолвил он в безумном порыве.

– Господи, что ты говоришь, Амир?! – опешив, выдохнула Верико. – Неужели эта девица для тебя важнее спокойствия нашей семьи?

– Я уважаю наш род и семью. Но если потребуется отстоять свое право на Софико, я сделаю это. И одно скажу точно: Серго я ее не отдам!

Княгиня вновь промолчала. Было видно, что она нервно о чем-то размышляет.

– Послушай меня, мой мальчик, вот что я тебе скажу, – наконец тихо произнесла она, устремив на него напряженный взгляд. – Ты должен оставить девчонку здесь. Если так хочешь ее, ты всегда можешь прийти к ней в спальню и получить от нее ласки. Я прослежу, чтобы никто не препятствовал этому. Серго не тронет ее, ибо ты знаешь – она ему не особо интересна. От Левана я также все скрою.

– Нет. Она должна жить рядом со мной в моем доме.

– Да послушай же, Амир! – уже в сердцах вымолвила княгиня. – Я прослежу, чтобы девчонка была твоей, когда ты этого пожелаешь, обещаю! Ты сможешь беспрепятственно бывать у нее в комнатах. Никто не побеспокоит вас. И Серго с Леваном я возьму на себя! Они ничего не узнают о вас. Но только прошу, для всех скрой свои истинные желания, и пусть все думают, что девчонка принадлежит Серго и верна ему. Это будет залогом мира в нашей семье.

Амир долго мучительно молчал, не спуская мрачного взгляда с Верико. В нем шла борьба. И лишь спустя пару минут он вымолвил:

– Я не смогу так, госпожа, поймите. Отчего я должен все скрывать, словно вор?

– Оттого что этого требуют интересы семьи. Что тебе не нравится? Всеми делами в наших краях занимаешься именно ты. Ты принимаешь все важные решения. Оставь хотя бы номинальную роль Левану, как главе дома. Мы же оба прекрасно знаем, кто истинно правит землями и вассалами. Ты сейчас главный! Все уважают тебя, враги боятся! И как только это станет возможно, ты станешь главой рода и тавади! А чего ты добьешься своей правдой? Из-за этой русской Леван отстранит тебя от всех дел и отправит в ссылку! А с девчонкой ты сможешь развлекаться, когда захочешь. Пойми, пока она здесь, это залог спокойствия и для тебя, и для твоего положения в доме и для всех нас, и для нашего края!

Амир долго как-то странно смотрел на Верико.

– Я не понимаю вас, госпожа, – произнес он удивленно. – Вы словно расположены ко мне более, чем к вашему сыну Серго. И это странно...

– Да, Серго мой сын, – вздохнула Верико и уже тише продолжала: – Но по духу ты мой сын. Я всегда мечтала, чтобы мой сын был похож на тебя. Такой же сильный, смелый, мужественный и умеющий принимать волевые решения. Оттого-то я люблю и уважаю тебя словно сына. А Серго... его уже не изменить, он такой, какой есть. Иногда мне стыдно, что он мой сын. Мое сердце хочет видеть в этом качестве тебя.

– Благодарю вас, госпожа, за ваши слова, но все же я думаю, что надо жить и делать все открыто. Не по душе мне эти тайны.

– Амир! – уже просяще вымолвила Верико. – Ради меня отступись от своей затеи увести девочку отсюда. Возможно, сейчас это кажется тебе дикостью, но вскоре ты увидишь, как все обернется наилучшим образом. Я точно знаю это. Ты должен немного потерпеть. Я обещаю, что сделаю все, чтобы возвысить тебя над всеми. Ибо я так хочу и желаю. Ты будешь следующим тавади! Ибо ты самый достойный из всех. Только ты сможешь сохранить мир и спокойствие в наших краях. Доверься мне, мой мальчик. Немного подожди и увидишь, как все устроится.

– Я даже не знаю, госпожа, – уже неуверенно заметил Амир.

Княгиня Асатиани была единственной женщиной, с которой он не мог долго спорить и она была одной из немногих, которая могла убедить его изменить решение.

Солнечные лучи, льющиеся в просторную спальню, разбудили Софью. Она медленно открыла глаза, приходя в сознание. Ее мысли тут же пронзили воспоминания о вчерашней ночи. О том, как она видела Серго и Тито вместе, как потом отдалась Амиру Асатиани и как он глубокой ночью принес в ее спальню бессознательного Серго.

Софья стремительно повернула голову набок, заслышав сильный раскатистый храп молодого человека. Серго до сих пор спал, лежа на спине и раскинув в стороны руки, одна из которых почти доставала до ее плеча. Напряженно рассматривая спящего князя, Софья понимала, что Амир придумал великолепный план. Теперь никто не скажет, что она не была близка с мужем. Ведь они проснулись с ним в одной постели. Она вновь прикрыла глаза, не зная, что делать дальше, и в мыслях ее воскресли любовные картины близости с Амиром на поляне. Она невольно улыбнулась уголками губ, с упоением вспоминая, каким он был страстным, напористым и ласковым. Она отчетливо вспомнила, как искренне наслаждалась его объятиями и ласковыми сильными руками, которые разминали ее тело, пока не произошло соитие.

В следующий миг Софья резко распахнула глаза. Она отчетливо вспомнила, как Амир рассматривал ее кровь, и напряглась. Ведь кровь – признак того, что она была чиста. А сейчас, после того как она, вернувшись в спальню среди ночи, помылась, крови не было на ее бедрах. А, по рассказам горничных Елены и сенных девушек, кровь должна была быть при первом соитии.

Софья нахмурилась и начала нервно размышлять. Ответ пришел к ней мгновенно. Она быстро повернулась к небольшой резной тумбочке, стоящей у изголовья кровати, и схватила маленькие ножницы, которыми подстригали фитиль свечи. Не думая ни секунды, девушка резко вонзила в большой палец своей ладони острые концы ножниц и стиснула зубы от боли, чтобы не застонать. Тут же ее палец обагрился алой кровью. Стремительно повернувшись к Серго, она провела окровавленными пальцами по пустой простыне между ними. А затем, метнувшись к храпящему князю, прошлась ладонью по промежности Серго, которая была покрыта густыми черными волосами, стараясь не смотреть на его интимные части тела. Затем, задрав рубашку, она измазала кровью внутреннюю поверхность своих бедер. Отметив, что кровь почти уже не сочится, Софья зажала рану другим пальцем и с силой надавила, чтобы

окончательно остановить кровь. Проворно положив ножницы на прежнее место, она облегченно откинулась на подушку, прикрыла глаза и выдохнула.

Не прошло и пары минут, как Серго, лежащий рядом, заворочался. Софья распахнула глаза и тут же столкнулась с его пронзительным взглядом, который был устремлен на нее. Серго уже чуть приподнялся на локте и хриплым голосом выдохнул:

– Елена? Доброе утро.

Волосы князя были взлохмачены, а лицо отяжелело от выпитого накануне вина. Софья, посмотрев на молодого человека, заставила себя улыбнуться, в душе ощущая гадливое омерзение от осознания того, что ее муж провел ночь не с ней, а со своим любовником. Но она должна была сыграть свою роль.

– Доброе утро, Сергей Леванович, – тихо вымолвила она.

– Я спал здесь? – удивился князь. Тут же его взгляд начал описывать круги по постели и девушке. Его глаза задержались на кровавом пятне на простыне, и он, переведя ошарашенный взгляд на Софью, спросил: – Как я себя вел? Ничего не помню. Наверное, вино было слишком крепленным...

– Вы были очень нежным, – соврала тут же Софья и вновь улыбнулась ему.

И, чтобы до конца сыграть свою роль, придвинулась к нему и, подавляя в себе неприязнь, притиснулась губами к его подбородку. Девушка заглянула в его темные глаза и увидела в них замешательство.

– Я... – замялся князь, не зная, что сказать, и тут же, быстро отстранившись от нее, встал с постели. – Я умываться, – заметил он и стремительно ретировался в ванную комнату.

Софья проводила мужа холодным презрительным взглядом и опять упала на подушку. Итак, Серго поверил в их близость, и она, удовлетворенно хмыкнув, прикрыла глаза и тяжело вздохнула. И тут же в ее сознание вклинился образ Амира. Такой мужественный, суровый и притягательный. Она начала вновь упиваться воспоминаниями о близости с ним, о его поцелуях, ласках. Не прошло и нескольких минут, как Софья резко села на кровати, ибо ее мысли пронзило осознание того, что она любит Амира Асатиани.

Глава V. Желание

Именно в этот момент из ванной комнаты вышел Серго. Он проворно начал надевать черкеску и штаны, лежащие кучей на кресле, одежду еще ночью принес Амир. Несмотря на девушку, сидящую на постели с обернутым вокруг груди покрывалом, князь вымолвил:

– Я вниз. Вы, дорогая, тоже одевайтесь. Увидимся за завтраком.

Он вышел, и тут же в спальню вошла Гиули, которая, видимо, ждала за дверью. Горничная приветливо поздоровалась и начала быстро собирать разбросанные вещи. Софья встала и медленно направилась в ванную комнату. Когда она вышла, Гиули уже поменяла постель и, как-то хитро улыбаясь, заметила:

– Поздравляю вас, госпожа. Теперь вы стали настоящей княгиней. Это радость.

Софья не ответила на эту реплику горничной и попросила Гиули помочь ей выбрать платье. Уже через полчаса, облачившись в красивый грузинский наряд янтарного цвета с золотой вышивкой, девушка вышла из спальни, оставив Гиули прибирать в комнате.

Не успела она сделать и десяти шагов, как из-за выступа одной из гостевых спален появилась высокая фигура Амира. Он тут же приблизился к девушке вплотную и проворковал над ней:

– Как почивала, моя красавица?

Его руки тут же властно обхватили ее стан, и он оттеснил Софью к одной из гостевых спален, чтобы их не было видно. Прижав к себе, Амир долгим страстным поцелуем впился в ее губы. Через минуту Софья попыталась высвободиться, чувствуя, что миловаться здесь, в коридоре, опасно. Ощувив сопротивление, Амир отпустил ее и устремил на девушку изучающий пронзительный взор серо-голубых глаз.

– Все хорошо, – ответила она и искренне улыбнулась.

Отчего-то сейчас суровое лицо Амира показалось Софье невозможно приятным. Его глаза теперь светились нежностью и теплом.

– Серго ничего не заподозрил? – спросил он.

– Нет. Едва он встал, как тут же ушел.

– Он обнимал тебя?

– Нет, даже не прикоснулся, – тихо ответила она, осознавая, что Серго она явно была неинтересна как женщина.

На это заявление Амир улыбнулся как-то по-мальчишески и вновь проворковал:

– Мой цветочек.

Он склонился к ее губам. Сильными руками стиснув талию Софьи и прижимая ее к широкой груди, мужчина начал осыпать ее лицо и губы жгучими яростными поцелуями. Через минуту Софья, почти задохнувшись от его натиска, чуть отвернула голову от его неистовых губ и срывающимся голосом вымолвила:

– Амир, здесь совсем не место. Могут увидеть.

– Ты права, Софико, – кивнул он и чуть отодвинулся от нее. – Я лишь хотел сказать, что все обдумал. Тебе лучше остаться пока здесь, во дворце. Чуть позже я все решу, и тогда ты сможешь переехать в мой дом. За Серго не беспокойся, он не будет помехой. Я прослежу, чтобы он не приближался к тебе.

– Я рада, что ты так решил, Амир, – улыбнулась она ему. – Так для всех будет спокойнее.

– Это временно, Софико, – тут же заявил он, нахмурившись. – Как только все улажу, я заберу тебя отсюда. И ты уедешь в мой дом, поняла?

– Да, – кивнула она, отчего-то сильно обрадовавшись тому, что Амир, получивший от нее интимную близость, совсем не намерен бросить ее и хочет, как и прежде, чтобы она была рядом. – Надо спуститься к завтраку, а то заметят, что нас обоих нет.

– Ты права, – согласился он и, вновь быстро страстно поцеловав, тяжело вздохнул и выпустил ее из своих объятий. – Иди. Я приду следом.

Софья кивнула и устремилась вперед по коридору.

Утренняя трапеза шла как обычно: долго и скучно. Не считая того, что Софья и Амир то и дело ловили настойчивые тайные изучающие взгляды друг от друга.

Весь завтрак Софья думала о том, что же произошло этой ночью. Она отдалась Амиру Асатиани, была близка с ним и обманула Серго. Она понимала, что это плохой и гнусный поступок. Однако уже так долго лгала, что еще одна ложь ничего бы не изменила в ее нервном душевном состоянии.

К тому же внутренне Софья ощущала небывалый подъем, ибо все, что произошло между ней и Амиром, отчего-то невероятно нравилось ей сейчас. В трагичную прошедшую ночь она словно увидела еще несколько граней его натуры, еще сильнее почувствовала этого притягательного, опасного человека. И, узнав ближе, вовсе не испугалась его властности и напора, как когда-то давно, наоборот, теперь она упивалась осознанием того, какой он мужественный, интересный, ласковый и искренний. К тому же он был единственным, кто поддерживал и понимал ее в этом дворце, и явно старался считаться с ее мнением и желаниями. Ведь окружающие ее люди требовали обычно от нее беспрекословного подчинения, такими были Елена и князь Леван. Или же относились к ней высокомерно и холодно, порой даже не удостоивая взгляда, так вела себя с ней Верико Ивлиановна. Или же просто игнорировали ее, как Серго. Им всем были безразличны ее терзания, и страдания, и вообще то, что она на самом деле чувствовала. Потому открытое, доброе и искреннее участие и внимание Амира так подкупали ее.

Только одно омрачало мысли Софьи относительно Амира Асатиани. Его жена. Но он говорил, что скоро будет свободен, ибо этот союз временный. И это немного успокаивало ее. Она же, Софья, тоже была замужем за князем Серго.

Оттого за завтраком Софья напряженно и упорно думала о том, что когда-нибудь вся правда откроется. И именно Елена станет настоящей женой Серго, а она, Софья, сможет связать свою жизнь с Амиром. Ведь он не был так богат и родовит, как Серго, и являлся всего лишь племянником старого князя. Оттого она, Софья, вполне годилась ему в жены, ведь до блистательного положения Серго она явно не дотягивала. Эти мысли о счастливом будущем вселили в нее надежду на то, что вскоре вся эта запутанная ситуация с обманом Елены закончится благополучно. И сейчас, сидя за столом, Софья ловила знойные темные взгляды Амира, сидящего напротив нее, краснела щеками и тихо вздыхала, надеясь на лучшее. Ведь так тяжело было научиться скрывать еще новую ложь о том, кто в действительности стал ее мужем сегодня ночью. Тайн становилось все больше, и это неимоверно напрягало ее.

Серго зашел в ее спальню перед сном. Пожелав Софье спокойной ночи дежурными фразами, князь, даже не поцеловав ее, быстро покинул комнату, сославшись на головную боль и уточнив, что переночует в комнате для гостей, чтобы не утомлять молодую жену своим недугом. Софья, особо не жаждущая присутствия мужа в своей спальне, с радостью отпустила его, так же пожелав ему скорейшего выздоровления. После ухода Серго она сняла пеньюар и легла в постель. Погасив свечу, она долго лежала на спине с открытыми глазами, методично перебирая в своих мыслях воспоминания о последних месяцах обитания во дворце Асатиани.

Услышав шорох, Софья невольно повернула голову в сторону окна. Темный высокий силуэт мужчины показался в проеме двери, ведущей на веранду. Видя, как вошедший по-своему захлопнул створку и повернул ключ в замке, она напряглась и резко села на постели. Амир уже медленно приблизился к ней, и Софья, растерявшись от его неожиданного появления, громким шепотом воскликнула:

– Григорий Петрович, что вы здесь делаете?

– Ты знаешь ответ, Софико, – ответил мужчина тихо по-грузински, останавливаясь в трех шагах от ее кровати.

Не спуская с нее горящих глаз, Амир начал быстро стягивать с себя одежду и кидать ее на стул. Софья, окончательно опешив от его наглости, напряглась. Он не имел права находиться здесь, но, видимо, не испытывал по этому поводу никакого смущения. Его поведение вызвало у нее неподдельное яростное удивление. Притянув тонкое одеяло к груди, она нервно выпалила так же по-грузински, с сильным акцентом:

– Уходи, прошу тебя. Тебя могут увидеть.

– Я не собираюсь никуда уходить, Софико, – заявил он властно, стягивая с себя последние покровы и окидывая девушку темным взглядом.

– А если вернется Серго? – вымолвила она глухо.

– Не вернется. Я сам видел, как он полчаса назад направился к Тито в комнату. Вряд ли он быстро освободится.

Амир, уже полностью обнаженный, сделал два решительных шага в сторону кровати и поставил колено на постель. Софья в ужасе от его вызывающего собственнического поведения ахнула и, быстро перекатившись на другой край постели, попыталась прыгнуть на пол. Но мужчина, как охотник, стремительно дернулся за ней и сильной рукой мгновенно схватил беглянку за ночную рубашку, дернув к себе. Софья, глухо вскрикнув вновь, невольно упала назад на постель. Он тут же подмял ее под себя, сжав стройное тело в своих руках и не позволяя ей вырваться. Склонившись над ее лицом, Амир проворковал на чисто русском:

– И куда это ты собралась, моя красавица?

– Это нехорошо, Амир, – успела только промямлить Софья, ибо в следующий момент его губы яростно завладели ее ртом, навязывая ей свою волю и страстное желание.

Июль пролетел как один день, и стремительно наступил август. В то утро Софья долго гуляла по саду одна. Она сидела на скамье и, чуть прикрыв глаза, наслаждалась приятным теплом и солнцем. Вдыхая, она вспомнила, что сегодня проснулась в своей спальне одна. Вчера вечером Амир не пришел к ней, и это печалило Софью все утро. Однако он говорил ей накануне, что будет очень занят и, возможно, не сможет прийти. Но все же вчера она надеялась на встречу с ним наедине, но так и уснула без него.

Вот уже более месяца Амир Асатиани почти ежедневно приходил ночью в ее спальню. В первую неделю после свадьбы Софья еще пыталась сопротивляться интимным притязаниям Амира, который проникал в ее комнату через балкон. Подавляя не слишком сильное сопротивление и ее стыдливость, мужчина завладевал ее вниманием и телом, заставляя все существо Софьи петь на свой лад. В ту первую неделю ее горничная Гиули странным образом исчезла из дворца, а замок на балкон отчего-то был сломан, и Софья никак не могла добиться от слуг, чтобы его починили. В итоге Софья даже не могла укрыться от настойчивого неумолимого и дерзкого посещения Амира или, например, оставить Гиули ночевать в своей спальне, чтобы спугнуть навязчивого любовника, который, видимо, считал, что имеет на нее все права, оттого так бесцеремонно вел себя, ловко взбираясь на ее балкон ночью и настаивая на интимной близости.

Ее первоначальный испуг и даже некоторые неприятные ощущения при первой близости с Амиром исчезли уже во второе соитие, когда он бесцеремонно пришел в ее спальню. В ту ночь она почувствовала, что близость Асатиани ей не просто приятна, а неимоверно упоительна. Поначалу стыдливая, неумелая и немного зажатая, Софья уже спустя некоторое время начала получать истинное удовольствие от интимных ласк Амира и пыталась отвечать ему такими же пылкими и неистовыми ласками. В эти моменты Софья всем своим существом как будто погружалась в некий сладостный упоительный сон, ошарашенная и опьяненная напором

молодого мужчины, его пылкостью и неистовым желанием, которое он изливал на нее, и позволяла ему все.

Гиули появилась только спустя две недели, когда Софья, уже влюбленная, трепещущая и жаждущая близости с Амиром Асатиани, окончательно сдалась на его милость и уже не понимала, как она раньше могла обходиться без него. Замок на балконной двери также починили, но теперь Софья сама отпирала его и с нетерпением ждала прихода любовника, который неизменно появлялся ближе к полуночи в ее спальне и, как-то по-мальчишески улыбаясь, тут же заключал ее в пылкие сильные объятия и начинал осыпать неистовыми ласками. Лишь глубоко за полночь он покидал ее, проворно и умело спускаясь с веранды второго этажа в сад.

Днем Софья тоже постоянно ощущала страстные волны, исходившие от мужчины и направленные в ее сторону. Едва она оказывалась в поле его зрения, Амир непременно приближался к ней. Если они были на людях, Асатиани вежливо говорил с ней, однако в эти мгновения его взор, направленный на нее, горел таким поглощающим пламенем, что Софья порой опасалась, что кто-нибудь догадается о том, что их связывают далеко не невинные разговоры. Когда же они нечаянно сталкивались в темном пустынном коридоре или безлюдной гостиной, он тут же заключал Софью в объятия и непременно целовал ее, шепча любовные пылкие слова. Софья с радостью отвечала на его порывы. И уже к концу июля месяца она отчетливо осознала, что жаждет знойных объятий и ласк мужчины несколько не меньше, чем он сам.

Почти полтора месяца пролетели незаметно для нее. И Софья, так и оставаясь официально женой Серго, все свои мысли и чувства обращала только на Амира, образ которого начал занимать в ее сердце значимое место. Ее муж, князь, так же, как и до свадьбы, совсем не обращал на нее внимания и не общался с ней, все свое время уделяя Тито. Ночью Серго так же не претендовал на ее ложе, и Софья, опьяненная сладостью и страстностью Амира, почти совсем позабыла о том, кто действительно является ее мужем. За трапезами они с Амиром перебрасывались тайными долгими взглядами, дарили друг другу ласковые улыбки, пока никто не видит, а наедине неистово, безумно отдавались друг другу, забыв о том, что они совсем не имеют права на эти близкие отношения.

В то августовское утро Софья, сидя на скамье, счастливо улыбалась.

Теперь она чувствовала, что еще никогда не испытывала ни к одному мужчине ничего подобного. Да, когда-то она была влюблена в Серго, но теперь ее чувства к Амиру были совершенно другими. Во много раз ярче, насыщеннее, упоительнее. Все ее мечты, чувства, мысли были заполнены только Амиром. Только для него она одевалась по утрам, прихорашиваясь почти по часу у зеркала, чтобы он непременно оценил ее красоту. Теперь она всегда надевала только грузинские платья, зная, что ему нравится видеть ее в них. Только ради Амира она кусала свои губы, перед тем как зайти в столовую на трапезу, чтобы стать еще более привлекательной. И затем в столовой или гостиной старалась невозможно прямо держать спину, чтобы он видел, как она грациозна и имеет идеальную осанку. Только ради него, ложась вечером после ванны в постель, она не надевала чепец на голову, а распускала свои длинные густые волосы, подолгу расчесывая их, чтобы ее русые пряди начали переливаться золотом. Ведь она знала, что Амиру нравится подолгу перебирать пальцами ее шелковистые пряди или зарываться в них лицом, шепча при этом о ее красоте и соблазнительности.

И теперь, чуть жмурясь от яркого солнца, Софья вдруг поняла, что неистово любит этого сурового властного джигита. Ее сердце забилося сильнее. Если бы по приезде в Имеретию, еще в мае месяце, ей кто-нибудь сказал, что она полюбит Амира Асатиани, она просто рассмеялась бы ему в лицо. Но теперь девушка ощущала, что именно Амир Асатиани смог сломить своим напором ее первоначальное сопротивление, согреть ее замерзшее от страданий сердце и зажечь в ее душе трепетное любовное чувство. Теперь Софья отчетливо понимала, что внешность мужчины была совсем не важна для нее, как она наивно полагала раньше. Ведь Амир не был красив. Совсем нет. Он был суров, неумолим и тверд, словно горы Грузии. Его внут-

ренная сила, его притягательная мужественность, сильный характер, его настойчивость, его страстность и умение настоять на своем теперь привлекали Софью невероятно. Теперь она чувствовала, что именно этот мужчина может сделать ее счастливой, защитить от всех невзгод.

Именно с осознанием того, что теперь она любит Амира Асатиани, Софья, трепещущая и воодушевленная, решила пройти по усадьбе, чтобы увидеть его. Все утро она с помощью Гиули прихорашивалась перед зеркалом: облачалась в красное грузинское платье, поправляя каждый волосок в заплетенных косах, желая увидеть Амира на завтраке, но он так и не появился там, как и ночью в ее спальне. Со вчерашнего утра она не видела его. Асатиани последние дни проводил совет за советом в своем кабинете и оттого вчера даже не пришел ни на обед, ни на вечернюю трапезу. Поэтому Софья безумно жаждала увидеть его сейчас и ощутить его сильные надежные объятия.

Глава VI. Грубиян

Она прошла по главной аллее, около цветников, намеренно осматривая джигитов из охраны князя Левана, стоящих неподалеку и надеясь увидеть Амира среди них, ведь ей доложили, что в кабинете его также нет. Но Амира не было видно. К ней подошел Даур, который заметил ее и заговорил. Мужчина выразил искреннее восхищение ее чудесным нарядом гранатового цвета и, призывно улыбаясь, спросил, что угодно молодой княгине. Даур был правой рукой Амира и главным сотником охраны поместья князя Асатиани. Темноволосый, смуглый, он имел поджарую жилистую фигуру и яркие карие глаза.

Смущенная его горящим взглядом, Софья все же решилась и поинтересовалась у сотника, не уехал ли из поместья Георгий Петрович, ибо не видела его уже два дня. Даур ответил, что Георгий Петрович сейчас у конюшен, осматривает обмундирование и лошадей прибывших со всего края джигитов.

Софья, немного успокоенная и печальная после заявления Даура, вновь долго гуляла по саду. И именно в том месте, где цветущий сад примыкал вплотную к конюшням, где, по словам Даура, находился Амир. Она то и дело пыталась разглядеть его высокую фигуру среди множества шумных мужчин в темных черкесках и мохнатых шапках, но не увидела его.

На обеде Амир также не появился. После двух часов Софья бродила по дому, изнывая от безделья, ибо была не в силах заняться ни вышиванием, ни рисованием, ни другими делами, подобающими княгине. Ее мысли были наполнены лишь им одним.

В какой-то момент на лестнице она повстречала Левана Тамазовича.

– Елена, вы кого-то ищите? – спросил пылливо старый князь.

– Нет, с чего вы это решили, Леван Тамазович? – тут же быстро встрепенулась Софья, пытаясь придать своему лицу беззаботное выражение.

– Мне так показалось.

– Я просто хотела прогуляться. Но Серго Леванович не захотел составить мне компанию.

Старый князь нахмурился и вымолвил:

– И чем же он так занят?

– Он удалился с секретарем Георгия Петровича в библиотеку, сказав, что им надо написать важные письма.

– Понятно, – недовольно проскрежетал князь и, бросив девушке дежурную фразу, прямым ходом направился в сторону библиотеки.

Когда Леван вошел в просторную комнату, наполненную высоченными стеллажами с книгами, он тут же устремил взор на сына, который сидел на диванчике в интимной близости с юношей. Молодые люди разговаривали, мило улыбаясь друг другу. Леван нахмурился сильнее. И Серго, заметив вошедшего, воскликнул:

– Отец?

Тито тут же вскочил на ноги, кланяясь.

– Выйди! – приказал старый князь, устремив мрачный взор на юношу.

Тито быстро засеменил к двери, извиняясь. Когда он вышел, князь приблизился к сыну.

– Сынок, я хотел поговорить с тобой, – важно начал Леван, внимательно посмотрев на молодого человека.

– Да, отец? – ответил Серго, вальяжно развалившись на диванчике.

Князь занял кресло напротив сына и строго сказал:

– Мне кажется, что ты слишком мало времени уделяешь своей жене.

– Но, отец, ты же знаешь, у меня много дел.

– Серго! – уже недовольно проскрежетал Леван Тамазович. – Я настаиваю, чтобы ты начал проводить больше времени с Еленой. Она скучает.

– И что же? Пусть больше гуляет да вышивает.

– Неужели ты не понимаешь?! У нее могут появиться поклонники! А это недопустимо! – повышая голос, заметил старик. – На днях я видел, как Георгий, твой брат, гулял с ней по саду, и мне показалось, что их прогулка слишком продолжительна. К тому же Елена постоянно держалась за его локоть!

– Но что же вы хотите от меня, отец? Я не могу полюбить ее. Ее общество не занимает меня.

– Ты не можешь полюбить ее? – удивленно спросил Леван. – Но она же красавица. И нрав у нее довольно покладистый. Да, она иногда высказывает свое мнение. Но, в отличие от твоей матери, ее можно переубедить. Вы венчаны, и она твоя жена перед всеми.

– И это меня угнетает, отец.

– Прекрати! Ты что, хочешь вызвать мой гнев, Серго? Даже не вздумай. Мне нужен внук, и как можно скорее!

– Я постараюсь, отец, – тут же сник Серго, услышав гневный окрик отца.

– Уж постарайся! Я настаиваю, чтобы ты несколько часов в день непременно проводил в обществе Елены Дмитриевны. Неужели ты хочешь, чтобы у нее появился тайный воздыхатель и сплетни поползли по всей округе?

– Хорошо, отец, я постараюсь больше времени проводить с Еленой.

– Да. Ты должен непременно ночевать в ее спальне.

– Ну уж нет! Этого я не могу вам пообещать, отец! – возмутился молодой князь.

– Серго, я же знаю, что брачную ночь ты провел с ней. Отчего же сейчас...

– Это так. Но больше я не смогу, – начал вяло Серго.

– Она тебя не привлекает как женщина? Она холодна в постели?

– Я не хочу отвечать на этот вопрос, отец.

– Не отвечай. Но ты должен проводить ночи с женой и подарить мне наследника! И прошу тебя, будь ласковее с Еленой. Твой долг быть рядом с нею.

– Я постараюсь, отец.

С самого утра пребывая в трепетном ожидании встречи, Софья около трех часов забрела на северную сторону дворца. Закрытый внутренний двор в этом крыле обычно служил для большого собрания дворян. Услышав еще издали мужские громкие голоса и шум, девушка невольно подошла ближе, предчувствуя, что именно здесь сможет увидеть Амира.

Софья невольно приблизилась к открытой веранде и еще из-за угла слышала грозный баритон Георгия-Амира Асатиани:

– Я собрал вас для того, чтобы общий совет азнаури решил, что делать со сванами. Три дня назад отряды их джигитов во главе с Тимуром Дешкелиане варварски напали на дальний аул Килиши, что у южной границы Имеретии, и вырезали половину населения, много женщин и детей увезли в горы. Глава того края Ясе Абуладзе позавчера был у меня и просил защиты от сванов. Именно за этим я собрал вас.

В этом дворике редко собирались советы. Только когда прибывших дворян, вассалов князя Асатиани, было так много, что они не могли поместиться в небольшом кабинете Георгия. Софья, невольно замерев за одной из колонн, отметила, что двор полон народа. Около сотни мужчин в различного цвета черкесках стояли или сидели на длинных лавках, внимательно слушая то одного, то другого выступающего, обсуждая его предложение.

– В последнее время сваны совсем потеряли боязнь, и я думаю, что их надо проучить как следует, – произнес один из азнаури.

– Согласен с князем Цулукидзе, необходимо загнать наглецов обратно в горы. Думаю, послезавтра надо объявить общий сбор, – сказал Амир.

– Да, это верное решение, паша Амир.

– Мы согласны выступить единым войском. Наш род поддерживает твоё решение, Асатиани, – громко заявил один из старых джигитов.

– Хочу знать – все ли согласны? – спросил Амир.

И со всех сторон послышались возбужденные поддерживающие возгласы.

Софья отметила, что здесь находились самые именитые дворяне края, азнаури, и простые главы родов и селений, которые подчинялись власти Асатиани и владели землями на его угодьях этой части Имеретии. А также присутствовали по одному главному управляющему от каждого владения.

Софья осталась стоять незамеченной, невольно слушая разговор мужчин. Обсуждая в деталях, что делать, азнаури и джигиты советовались с Амиром и отвечали ему с невероятным почтением и уважением. Амир говорил кратко и по делу. Все изъяснялись по-грузински, но Софья прекрасно понимала их. Она уже в совершенстве владела грузинским языком и не только понимала все, но и прекрасно говорила, хотя и с сильным акцентом.

Через четверть часа азнаури одобрили решение Амира. Было намечено уже завтра отправиться к подножью гор и сделать вылазку в небольшой городок, находящийся во владении сванов, где, по данным имеретинцев, проживали наиболее родовитые и знатные дворяне Сванетии. Асатиани вознамерился взять в плен дюжину самых именитых дворян и привезти их в Имеретию, заключив в темницы. Пленные должны были служить залогом дальнейшего мира и спокойствия.

Азнаури решили потом послать гонца к Давиду Дешкелиане для переговоров и выдвижения ультиматума. Было оговорено, что пленным дворянам-сванам будет предоставлено приличное сытое содержание в неволе, но только в обмен на спокойствие земель Имеретии. При любом внезапном нападении на земли имеретинцев эти заложники будут немедленно казнены.

С замиранием сердца Софья слушала жутковатые обсуждения, но в глубине души осознавала, что в этих диких краях, видимо, нельзя существовать иначе. Она не спускала влюбленного взора с Георгия и чувствовала внутренний трепет от того, что именно этот мужчина, смелый и решительный, добивался ее расположения. Увлеченная, она не заметила, как невольно чуть вышла вперед из-за колонны, за которой стояла. В следующий миг она отметила, что Амир смотрит в ее сторону, и его громкий властный голос отчетливо произнес на русском:

– Госпожа, вы что-то хотели?

Софья вздрогнула, смутившись, ибо многочисленные взоры мужчин устремились в ее сторону. Она сглотнула и тихо, но звонко произнесла:

– Мне надобно поговорить с вами, Георгий Петрович.

– Позже я буду свободен. А сейчас покиньте это место. Наш разговор не для женщин.

Асатиани сказал это так властно, грозно и неумолимо, что Софья опешила. Чувствуя себя неуютно под недовольными сверлящими взорами азнаури, джигитов и Амира, она невольно поспешила прочь. Уже удаляясь, она услышала грозный голос Амира на грузинском:

– Что ж, решение принято единогласно. Сегодня Даур и Вахтанг доложили мне, что уже подняли под ружье около двух сотен наших джигитов, которые готовы выступить хоть завтра. Теперь надо решить, какой дом сколько людей может выставить...

Софья стремительно поспешила на главную аллею. Невольная обида на то, что Амир как будто прогнал ее, появилась в сердце. Она так жаждала увидеть его. Однако Асатиани, видимо, совсем не желал того же. Почти два дня они не виделись, и, похоже, это его вполне устраивало. Да, девушка понимала, что он был занят, но он мог ответить ей иначе, более дружелюбно и ласково. Но нет, Асатиани так гаркнул на нее, словно отчитывал за проступок, и его взор, недовольный и какой-то угрожающий, тоже не понравился ей. Едва не плача, она решила, что раз он не хочет видеть ее, то и она не будет искать встречи с ним.

Когда Софья приблизилась к аллее, она невольно наткнулась на Серго. Молодой человек призывно улыбнулся ей и попросил побеседовать с ним в чайной. Обрадованная тем, что у

нее появился повод отвлечься от неприятных мыслей по поводу невнимания Амира, Софья с воодушевлением последовала за мужем и почти два часа провела в его обществе.

Амир освободился около четырех часов. Раздав быстрее приказы своим вассалам-азнаури насчет предстоящего похода, он стремительно направился во дворец. Перед отъездом мужчины жаждал увидеть Софику, к которой он уже два дня никак не мог вырваться. Жгучее желание прикоснуться к ней заставило его позабыть о том, что через два часа на выезде из усадьбы его будет ожидать Даур вместе с джигитами, чтобы отправиться в путь. Амир прошелся по гостиной и столовой и невольно остановился у открытой двери в чайную. Именно в этой небольшой уютной комнате он наконец увидел ее, и она мило беседовала с Серго.

Эта идиллия между молодыми людьми и отрывки душевного разговора, доносившегося до него, мгновенно вызвали в существе Амира неприятное чувство тревоги и недовольства. Почти полчаса Асатиани, укрытый длинной темно-зеленой портьерой, висящей при входе, не шевелясь стоял за дверью. Словно истукан, не спуская напряженного взора, он следил за мимикой и каждым жестом брата и Софики. Молодые люди говорили тихо, и Амир, напрягая слух, прислушивался к их фразам, не желая пропустить ни одного сказанного ими слова. Уже давно он не видел, чтобы Серго так заинтересованно и воодушевленно общался с Софики, да еще и постоянно улыбаясь и явно пытаясь ее соблазнить. Насколько Амир знал из докладов верного слуги, в последний раз так долго молодые люди находились в компании друг друга только за неделю до свадьбы, а после этого едва ли обменивались парой дежурных фраз за день. Об этом Асатиани был очень хорошо осведомлен. И отчего вдруг сейчас Серго решил провести время с женой, отчего она находилась так долго подле его братца, довольная его компанией, Амиру было непонятно.

Чем дольше Амир следил за молодыми людьми, тем сильнее в его голове начинала бить мысль о том, что молодые люди уж больно рады общению. Серго вежливо наливал жене чай, а Софики благодарила его и даже пару раз улыбнулась. Все это задевало Амира за живое. Спустя полчаса напряженной слежки Асатиани ощутил, как в его висках бешено стучит кровь. Им завладело чувство некоей несправедливости. Ибо эта горная серна принадлежала ему, Амиру, но сейчас проводила время с Серго, который не имел никакого права наслаждаться ее обществом. Только он, Амир, имел право на это, именно так напряженно собственнически думал он, лелея в своем сердце недовольство при виде этой картины. Ярое желание ворваться в чайную и немедленно оттащить Софики от этого смазливового слизняка стучало в сердце Амира. Сжав челюсти, Асатиани почти четверть часа удерживал себя от решительного дерзкого поступка. В какой-то момент, когда он уже вконец потерял терпение и решил немедленно прервать этот милый разговор, Софики вдруг поднялась на ноги и, поблагодарив Серго, устремилась к двери.

Тут же среагировав, Амир ринулся за угол, укывшись в темноте коридора, чтобы выходящая молодая княгиня не заметила его. Уже через мгновение Софики прошла мимо мужчины и направилась по парадной лестнице наверх. Она почти поднялась, когда Амир стремительно направился за ней, перепрыгивая через ступеньки. Спустя считанные мгновения он нагнал ее в темном коридоре второго этажа у гостевых спален. Бесшумно приблизившись к Софики, он почти налетел на нее и, схватив за плечи, развернул к себе. Она открыла рот, чтобы закричать от испуга. Однако, увидев Амира, девушка облегченно выдохнула и пролепетала:

– Вы напугали меня.

Она говорила с ним на вы, решив показать свою обиду на его недавнюю резкость.

Амир тут же заключил девушку в объятия и прижал ее к стене. Склонившись над нею, он извиняющимся тоном произнес:

– Прости, я не хотел.

Софья нахмурилась, вмиг вспомнив его жесткие строгие слова там, при совете джигитов. Холодно взглянув на Асатиани, она попыталась высвободиться из его объятий и вымолвила:

– Извините, мне некогда. Я должна идти.

Однако Амир не позволил ей отойти и, властно обвив ее талию рукой, удержал рядом.

– Конечно, когда Серго развлекал тебя только что, ты не особо торопилась, – ехидно с ревностью заметил он.

– Развлекал?

– Ты ведь пила теперь с ним чай, Софико?

– Я пила чай со своим мужем, и что с того? – с вызовом спросила Софья, сделав ударение на слове «муж», желая позлить Асатиани, мстя за его безразличное отношение к ней в последние дни.

– Конечно, и, как заправская кокотка, хихикала над его шутками, – выплюнул он зло, сверкая на нее серо-голубыми глазами.

Софья опешила от его гадких слов и темного недовольного взора, который пронзил ее существо.

– Почему вы так разговариваете со мной? – спросила она, вмиг поджав от обиды губы.

Сначала он почти два дня игнорировал ее, а сейчас сказал ей гадость, как будто что-то предъявляя.

– Я разговариваю с женщиной так, как она того заслуживает.

– Меня ждут, дайте пройти, Георгий Петрович, – произнесла Софья и попыталась убрать его руку со своей талии.

Амир прочитал недовольство на прелестном лице девушки и вновь не дал ей высвободиться. Они несколько минут боролись. Софья пыталась вырваться из его рук, а Асатиани упорно не давал ей выскользнуть из его объятий. Наконец, не выдержав ее немого сопротивления Амир, глухо выдохнул:

– Ты что, обиделась, Софико?

– Нет, – колко заметила она, отворачивая от Георгия лицо, не желая на него смотреть.

– Я вижу, ты обиделась, и сильно, – констатировал он факт. – Но ты не должна была кокетничать с Серго и вызывать мое недовольство. Я погорячился, ты должна понять меня. Не обижайся.

– Я обижена на вас, но не от того, что теперь вы мне сказали.

– Тогда за что же?

– Я искала вас и хотела увидеть. А вы прогнали меня два часа назад.

– Прогнал? Когда же это было? – удивился он, вскинув брови. И тут же его осенило. – Это когда я попросил тебя уйти с места совета?

– Ты не просил. Ты грубо приказал мне, Амир! – выпалила вдруг с гневом она.

Асатиани удивленно округлил глаза и вымолвил:

– Цветочек мой, я просто сказал не тем тоном, – начал он ласково. – Ты все поняла не так.

– Я все прекрасно поняла, Амир. Если я наскучила тебе, так и скажи, – насупилась Софья, в ее больших ярких глазах заблестели слезы, и она добавила: – И я более не побеспокою тебя.

Мужчина пораженно уставился на нее хмурым взглядом и некоторое время молчал. Лишь через пару минут он тихо повелительно выдохнул:

– Иди сюда.

Подтолкнув девушку к одной из гостевых комнат, Амир проворно распахнул дверь и увлек Софью внутрь спальни.

Глава VII. Любовники

Софья начала сопротивляться, но Георгий, быстро захлопнув дверь ногой, притиснул девушку к своей груди и страстно выпалил:

– Что это еще за глупости? С чего ты взяла, что наскучила мне? Это совсем не так.

– Два дня вы не приходите ко мне и даже не хотите видеть меня. Да и теперь словно обвиняете в чем-то.

– Что за бред, Софико? Ты в моем сердце всегда. И нужна мне. Просто в последние два дня я замотался и почти не спал. Надо было разрешить много дел. Ты не должна обижаться на меня. Пойми, мои мысли теперь в предстоящей... – он замолчал, понимая, что обсуждение войны не должно касаться девушки. – И вообще, это мужские дела. Тебе незачем об этом знать.

– Конечно, ваши дела меня не касаются, – глухо произнесла она.

– Оставь этот надменный тон, Софико. И уже довольно ссориться со мной, – уже грозно заметил Асатиани, склоняясь к ее губам. Смутившись под его властным, поглощающим взглядом, Софья замерла, словно пойманная птичка, и затрепетала. Амир наклонился к ее губам и проворковал: – Лучше подари мне поцелуй...

Его губы властно захватили в плен ее рот. Уже через некоторое время от недовольства Софьи не осталось и следа. И она, привстав на цыпочки, обвив мощную шею мужчины руками, сама с радостью, пылко отвечала своими губками на его поцелуй. Амир, довольно отметив, что девушка сдалась на его милость и явно простила его, оторвался от ее губ и проникновенно сказал:

– Моя красавица. – Он ласково провел ладонью по ее волосам, заплетенным в косы, наслаждаясь их шелковистостью. – Сейчас мне надо уехать. На завтра назначен общий сбор на северной границе. Я не мог не повидаться с тобой на прощание...

– Надолго вы уезжаете? – спросила она, вмиг помрачнев.

– На пару недель, – ответил он, и его рука погладила девушку по округлой щеке, лаская пальцами. – И прекрати уже называть меня на вы. Я же просил тебя.

– Прости, Амир, – печально улыбнулась она ему и с тревогой в голосе спросила: – Эта вылазка опасна? Тебя могут убить?

– Нет, мой цветочек, – проворковал над ее губами Асатиани, довольный от того, что девушка беспокоится за него. Он по-мальчишески улыбнулся ей и добавил: – Тебе не о чем волноваться. Я хотел поговорить с тобой о Серго.

– О чем же?

– Дай мне слово, что не будешь часто видеться с ним.

– Но Серго – мой муж, я не могу...

– Софико, – перебил Амир девушку, не дослушав. Властно взяв ее за плечи, он вперил в нее поглощающий взор и грозным тоном произнес: – Ты поняла, о чем я. И не пускай его в свою спальню. Поклянись, что выполнишь мою просьбу.

– Я постараюсь, Амир, – пролепетала она тихо. – Но если он будет настаивать, что я скажу ему?

– Что ты больна. Что не хочешь его видеть, что угодно, – выпалил он, кусая губы. – Только прошу тебя, близко не подпускай его к себе. Ты обещаешь мне? Клянешься?

– Хорошо, Амир, – кивнула она и улыбнулась.

Он тут же сгреб в ее охапку и проворковал:

– Мой цветочек. Только мой...

Он вновь начал целовать ее, сильными руками неистово прижимая ее стройный стан к своей груди. Спустя пять минут ласки Амира стали более настойчивыми и яростными. В какой-

то момент Асатиани легко приподнял девушку над полом и стремительно понес ее к кровати. Софья, вмиг поняв, что он намеревался сделать, неистово забила в его руках, протестуя:

– Не надо, Амир. Сюда могут войти. Еще совсем рано.

– Я должен был уехать еще час назад, Софико, – срывающимся от желания голосом прохрипел он над ней, неумолимо кладя ее на кровать и быстро расстегивая ее платье. – Только из-за тебя я задержался... ты так долго говорила с Серго... я весь измаялся...

Быстро впиваясь губами в ее обнаженную ключицу, мужчина продолжал яростно стаскивать с нее платье, обнажая плечи и грудь. Софья снова попыталась встать, отталкивая его руки от своих интимных мест, и как-то неуверенно взмолилась:

– Амир, сейчас день, если увидят...

Асатиани же, уже скинув свою черкеску и оставшись в одной рубашке, с силой навалился на нее, обхватив ладонями лицо, и проворковал на ней:

– Не отказывай мне сейчас, цветочек мой. Мы так долго не увидимся...

Он начал задирает ее юбки, жгучими бешеными поцелуями покрывая ее губы. Уже через мгновение Софья, забыв про осторожность, обвила его шею руками и начала с восторгом отвечать на его поцелуи своими нетерпеливыми губами.

Верико медленно приблизилась к приоткрытой двери гостевой спальни и долгим изучающим взором провела по молодым людям, которые страстно миловались на постели, осыпая друг друга ласками. Уже через минуту княгиня чуть сузила глаза и, взявшись за дверную ручку, прикрыла плотно дверь, чтобы никто ненароком не увидел, что происходило в комнате. Она отвернулась от закрытой двери и медленно направилась вперед по мрачному коридору, уже окутанному сумерками. Обращаясь к самой себе, Верико тихо произнесла:

– Возможно, вскоре у Левана действительно появится внук, но не от Серго, как того жаждет этот старый сатир. А тот, кто действительно нужен...

Княгиня последовала по направлению к лестнице, и на ее ярко-красных губах, которые были, как и обычно, прикрыты вуалью в цвет платья, появилась довольная ехидная улыбка.

Георгий ушел из спальни спустя полчаса. Софья, ошарашенная, опьяненная его близостью, отчетливо слыша его удаляющиеся шаги, устало прикрыла глаза, понимая, что надо встать с постели и одеться, пока никто не увидел ее. Витая в воспоминаниях о только что произошедшей упоительной близости, девушка медленно села на постели и натянула на плечи платье. В этот миг дверь резко отворилась. Софья невольно замерла, устремив испуганный взор на вошедшего.

Серго Асатиани вплыл в спальню медленно и неумолимо. Он плотно прикрыл дверь и уставился на девушку злым недовольным взглядом.

– Итак, моя драгоценная женушка, как я посмотрю, хорошо проводит время с другими мужчинами, – вымолвил он через зубы.

– Сергей Леванович, я могу все объяснить, – замялась Софья, ощущая, как ее щеки покраснели от стыда и испуга.

– Да уж, любезная Елена Дмитриевна, объясните мне, как это вы за моей спиной развлекаетесь с моим двоюродным братцем. Какая наглость, прямо в моем дворце!

– Это не то, что вы подумали, – промямлила Софья, лихорадочно ища слова оправдания.

– Как же! – возмутился Серго, приглушая голос. Приблизившись вплотную к кровати, он уже недовольно выпалил: – Видимо, когда понесете приплод от Георгия, вы выдадите этого бастарда за моего? Так?

– Я, – она так опешила, что лишь спустя несколько мгновений испуганно пролепетала: – Я не тяжела... с чего вы взяли?

– Я не вчера родился! – процедил он. – Я уже давно заметил, что Георгий уж больно жадно смотрит на вас. Еще с того времени, когда он спас вас из рук сванов и привез в мой дом! Возможно, уже тогда вы отдались ему!

– Нет, этого не было. Я была верна вам тогда.

– А сейчас?

Софья полностью оправила свое платье и проворно встала с кровати. Боясь смотреть на Серго и опустив глаза, девушка несчастно и покорно склонила голову и лишь нервно сжимала кисти рук, не зная, что придумать в свое оправдание. Она вмиг испуганно представила, как сейчас правда выплывет наружу. Леван Тамазович будет в бешенстве и непременно отошлет ее обратно в Петербург за ее недостойное поведение. В этот миг Софья отчетливо поняла, что, влюбившись в Амира и забывшись на этот месяц в своих радужных любовных мечтаниях, совсем потеряла чувство осторожности. И вот теперь названный муж стоял и обвинял ее в грехе.

– Я виновата перед вами, – тихо вымолвила Софья, так и не поднимая глаз.

– Вот именно! Мне интересно, что скажет мой отец на все это! Хорошую же жену он мне сыскал, раз не прошло и пары месяцев, как она уже изменяет мне направо и налево.

– Нет, прошу вас, не говорите Левану Тамазовичу! – воскликнула она испуганно, вскидывая несчастные глаза на Серго. – Он разозлится и отправит меня к отцу.

– И верно сделает!

– Нет! Отец убьет меня! – выпалила Софья, взмолившись, и в ее глазах заблестели слезы. – Прошу вас, Сергей Леванович. Я сделаю все, что вы пожелаете, только не рассказывайте никому.

Серго некоторое время молчал, немного растаяв от ее чудного взора. Да, женщины не привлекали его, но взор Елены умел затрагивать потаенные струны его души.

– Ну, так и быть, – заметил князь уже более спокойно. – К тому же я даже рад, что вы не тяжелы, ибо это бы все усложнило. Я ничего никому не скажу. Но в обмен на мое молчание вы выполните два моих условия, согласны?

– Да, – закивала Софья, ощутив надежду на спасение.

– Во-первых, вам следует немедленно порвать все отношения с Георгием. Это недопустимо! Более никаких интимных встреч. Вы поняли меня, Елена? – вперил он в нее злой взор и только после того, как она согласно кивнула, продолжал: – Второе. Вы должны изображать, что влюблены в меня, и постоянно находиться рядом. Ибо отец в последнее время недоволен мною от того, что я уделяю вам мало внимания. Отныне мы должны чаще видаться, чтобы успокоить отца. Итак, вы согласны на эти условия?

– Да, – пролепетала Софья, понимая, что у нее нет другого выхода.

Она должна забыть свою влюбленность в Амира, ибо на карту теперь была поставлена безопасность ее родных.

– Что ж, так и поступим. Едва Георгий вернется, если, конечно, вернется, – ехидно заметил Серго. Софья испуганно вскинула на князя глаза, мгновенно осознав страшный смысл слов молодого человека. Ибо Серго явно намекал на то, что поездка Амира весьма опасна. Эти мысли вмиг причинили девушке душевную боль, и она отчетливо поняла, что будет жестоко страдать, если с Амиром что-нибудь случится. Но она тут же опустила взор, боясь показать Серго, как его слова задели ее за живое. – Вы прямо так и скажете ему, что у вас есть законный муж. А он пусть со своими притязаниями отправляется к своей жене. Иначе вы все расскажете мне и отцу. Так и пригрозите ему! Ведь он упертый, я знаю. И наверняка не отстанет от вас по своей воле.

– Да, я так и сделаю, Сергей Леванович.

– Если ваши слова не возымеют действия на Георгия, непременно скажите мне, и я смогу воздействовать на него через отца. А слово моего отца пока еще что-то значит в этом доме!

Теперь приведите себя в порядок, и жду вас в саду. Немного прогуляемся у окон гостиной, там сейчас отец курит трубку, чтобы он увидел, как мы проводим время вместе.

– Как скажете, Сергей Леванович, – ответила тихо покорно Софья.

Серго, удовлетворенно хмыкнув, вышел прочь из спальни.

Имеретия, Тернали, дворец князя Асатиани,
1815 год, 18 августа.

В тот день Софья чувствовала недомогание с самого утра. Еда не лезла ей в горло, а настроение было удручающим и плаксивым. Ведь со вчерашнего вечера, после того как Софья узнала еще об одной тайне, она совсем потеряла покой. Дело в том, что уже второй месяц подряд у нее не было обычного женского недомогания. Еще в прошлый месяц, когда кровотечения отсутствовали, Софья подумала, что это связано с переездом, новым местом обитания и постоянной нервозностью, ибо такое случалось и раньше.

Но к концу месяца, когда все сроки вышли и не пришли следующие месячные, Софья неуверенно поделилась своими мыслями с Гиули. Горничная вмиг заметила, что отсутствие аппетита у госпожи, ее плаксивое настроение как раз связано с ожиданием ребеночка. От этого заявления Гиули Софья совсем скисла и поняла, что опасения Серго насчет беременности были небеспочвенны. Гиули предложила вызвать врача из Тифлиса, который бы мог осмотреть Софью, но та испуганно отказалась, ибо боялась, что об ее положении узнают все. Тогда Гиули тайно привела свою тетку, которая была повитухой и разбиралась в этом щекотливом деле. И именно вчера эта родственница горничной подтвердила, что молодая женщина действительно ждет ребенка, и уже два месяца. Софья едва не расплакалась, понимая, что это малыш Амира. Как и пророчил Серго, она действительно понесла плод от этой тайной связи.

Оттого на следующий день Софья проснулась в траурных гнетущих думах. Она осознала, что теперь оказалась в еще более удручающем положении, чем ранее. Теперь она не только скрывалась под чужим именем и, обманув всех, венчалась с Серго, она еще и была беременна от Георгия Асатиани. Незаконная интимная связь с другим мужчиной, не мужем, в этих краях каралась смертью. Этот ребенок был доказательством ее греха. Все последующие дни Софья думала только об одном, как выкрутиться из этой страшной непонятной ситуации, в которую попала. И, ко всему прочему, она больше не могла видеться с Амиром наедине. Ведь теперь за ней следил Серго и был начеку. Ибо, чтобы скрыть ото всех действительного отца своего ребенка, Софья должна была забыть о Георгии, чтобы потом никто не мог сомневаться в истинности отцовства Серго.

Софью даже начали посещать мысли о том, что, возможно, стоит открыться Амиру и рассказать ему всю правду. Всю, всю. Но девушка не знала, как он отреагирует на ее признания. Но она чувствовала, что он сможет понять ее и простить только в одном случае, если любит ее. Только тогда, по ее мнению, Амир мог не просто вырвать ее из лап Серго и Левана Асатиани, но и, возможно, жениться на ней. Но оставалась еще тайна с Еленой. К тому же отец Софьи был болен и весь в долгах.

В тот день после обеда Софья сидела на открытой веранде второго этажа, вышивая очередную цветочную вереницу на подушке. Это занятие успокаивало ее нервы. Выводя тонкой рукой очередной узор на ткани, она тяжело вздыхала. В какой-то момент со стороны главной аллеи послышался неясный шум. Софья невольно устремила взор вниз на главное крыльцо, находящееся под верандой, и тут же к нему подбежал мальчишка-конюх и закричал:

– Паша Амир вернулся!

Из-за духоты двери на первом этаже дворца были распахнуты. И после возгласа мальчишки на крыльце появилась высокая стройная фигура Верико Ивлиановны. Не прошло и

пары минут, как по главной аллее в направлении дворца пронеслись четверо всадников в темных запыленных одеждах.

Софья, быстро отложив свое вышивание, стремительно подошла к балюстраде веранды и взглянула вниз. Всадники уже остановились, и Верико Ивлиановна, спустившись с крыльца, приблизилась к ним. Амир Асатиани первым спрыгнул со своего жеребца. Он порывисто поднял лицо вверх. И молодая женщина тут же ощутила его пронзительный сильный взгляд, направленный на нее. Вмиг пробежавшись по мужчине глазами, Софья отметила, что с ним все в порядке. И мрачное предположение Серго не сбылось. Облегченно выдохнув и видя, что Амир не спускает с нее поглощающего взора, она поджала губы и поняла, что ей надо немедленно уйти, пока никто не заподозрил, что их связывают близкие отношения.

Проворно развернувшись, она, словно напуганная воровка, устремилась внутрь дворца и скрылась в своей комнате. Здесь была Гиули, и Софья, тут же упав на кровать, велела горничной никого к ней не пускать. Она боялась, что придет Амир. Чувствовала, что он может это сделать. Ведь она не вышла сейчас к нему навстречу. Но отчетливо видела, как его властный и мощный взгляд приказывал ей это сделать. Однако она помнила об обещании, данном Серго, и собиралась избегать общения с Амиром Асатиани.

В тот день она более не выходила из своей спальни, велев Гиули всем говорить, что она недомогает. Горничная объявила об этом на вечерней трапезе, на которую Софья не пришла, а чуть позже Гиули принесла ужин в комнату молодой княгини. Около девяти вечера, когда Софья читала в кровати, а Гиули по ее просьбе находилась подле нее и вышивала, в дверь настойчиво постучали. Софья напряглась, отчего-то даже не сомневаясь, кто это мог быть. Ведь Верико Ивлиановна не стала бы приходить так поздно в ее спальню, а князя Серго и Леван еще раньше через Гиули передали ей свои сожаления. И в такой поздний час это мог быть только Амир.

Софья вмиг осознала, что Гиули может догадаться об их связи. Ведь ни разу горничная не видела их с Асатиани, ибо он приходил глубоко за полночь, когда Софья уже оставалась одна. Опасаясь разоблачения, Софья тихо велела Гиули открыть дверь и сказать визитеру, что она уже спит. Горничная понятиливо кивнула и засеменила к выходу.

Когда дверь распахнулась, Амир непроизвольно вытянулся, словно струна, ожидая увидеть Софику. Но на пороге спальни появилась горничная и, удивленно вскинув глаза на мужчину, вежливо осведомилась:

– Что вы хотели, Георгий Петрович?

Недовольно окатив горничную серо-голубым взором, Асатиани глухо спросил:

– Могу я войти и поговорить с вашей хозяйкой?

– К сожалению, нет. Она уже спит.

– Спит, так рано? – спросил он хмуро.

– Да, спит. Завтра вы сможете поговорить с ней.

– Но это так долго... – прошептал он одними губами скорее самому себе, чем Гиули.

Амир напряженно попытался что-либо разглядеть в узкую дверную щель, которая открылась за спиной горничной, но ему ничего не было видно. Он почувствовал, что от дикого желания ворваться в комнату и прикоснуться к Софику у него задрожали руки. Он невольно напрягся всем телом, пытаясь удержать свои неистовые порывы под контролем разума. Он так давно не видел Софику, так давно не вдыхал ее запах, так давно не целовал ее. Мысли о ней бередили его сознание все последние недели разлуки с нею. И теперь, когда она была так близко, он не мог даже приблизиться. И тот краткий миг, когда она ненадолго задержалась на веранде по его приезду, был единственным упоительным моментом, который он получил в награду за эти долгие недели.

После того как Софику стремительно ретировалась с балкона и даже не вышла его встречать, Амир еле подавил в себе желание броситься во дворец и разыскать беглянку. Затем он

кратко, сухо ответил на вопросы Верико Ивлиановны о прошедшей вылазке в горы и поспешил в свою комнату. Тут, быстро умывшись и переодевшись в чистую рубашку, штаны и черкеску, Амир вышел из своей спальни и до самого ужина рыскал по дому и саду в надежде хоть на миг увидеть Софику. Но все было напрасно. За ужином, на который он пришел на полчаса раньше и начала которого в нетерпении ждал, она также не появилась. Понимая, что до утра он просто не выдержит, Амир уже через час, измучившись, поднялся наверх к ее спальне в надежде на встречу.

– Госпожа плохо себя чувствует и попросила меня ночевать у нее, – объяснила Гиули. Чувствуя неловкость от того, что мужчина явно не должен был находиться в такой поздний час у комнат ее госпожи, горничная наставительно добавила: – Георгий Петрович, вы должны уйти.

Амир сжал кулак и глухо по-грузински выругался. А затем, стремительно развернувшись, почти бегом направился по темному коридору в сторону лестницы.

Глава VIII. Беглянка

На следующее утро Софья специально решила спуститься к завтраку попозже. Она надеялась на то, что все уже сидят за столом и у нее не будет возможности нечаянно столкнуться с Амиром в коридоре или на лестнице. Девушка вышла из своей спальни уже в девять и, оглядываясь по сторонам, поспешила вниз. Когда приблизилась к широкой лестнице, она напряженным взором оглядела парадную и не заметила никого, кроме слуг. Приподнимая юбку, осторожно спустилась с лестницы, решив побыстрее преодолеть расстояние до столовой, ощущая, что еще немного, и она будет в окружении князей и более ей не придется опасаться встречи с Амиром наедине. Она уже спустилась вниз и повернула направо. Как вдруг из полумрака лестничного пролета перед ней появился Георгий. Софья едва удержалась от испуганного возгласа и вмиг застыла на месте. Горящий напряженный взор мужчины тут же вызвал в ее душе трепетное волнение, а также чувство опасности.

– Софико, – начал было Асатиани, сделав к ней шаг, протягивая руку.

Но Софья быстро выпалила:

– Простите, Георгий Петрович, я очень спешу.

Она стремительно пронеслась мимо Амира, стараясь даже не смотреть на него.

Амир вошел в столовую сразу после нее. Заняв свое обычное место напротив Софьи, он сухо извинился за опоздание. Всю трапезу он не спускал гнетущего, мрачного взгляда с девушки и почти ничего не ел. Софья старалась не смотреть на Амира, но инстинктивно чувствовала его пронзительный давящий взгляд на себе. Пару раз она все же украдкой поднимала на него глаза и видела, как мужчина пронзительно смотрит на нее в упор и словно не боится того, что это заметят другие.

После утренней трапезы, опасаясь оставаться одна и понимая, что Амир решительно настроен поговорить с ней, Софья попросила Гиули погулять с ней по саду. Девушки прошлись вдоль главной аллеи и уже через полчаса свернули к дому, намереваясь вернуться на прохладную тенистую веранду.

Асатиани появился из-за угла стремительно. Софья от неожиданности вздрогнула, когда его широкоплечая фигура в черной черкеске появилась перед ними. Встав у девушек на пути, Амир глухо и вежливо осведомился:

– Решили прогуляться?

– Да. Во дворце очень душно, – произнесла тихо Софья, и Амир, тут же устремив на ее лицо поглощающий темный взгляд, с вызовом заметил:

– Надеюсь, вы поправились, сударыня? Вчера, видимо, из-за своего недомогания вы даже не поприветствовали меня по приезде.

– Я рада, что вы вернулись невредимым, Георгий Петрович, – произнесла Софья напряженно. Она отчетливо видела, что лицо мужчины крайне взволновано и совсем не соответствует его вежливой холодноватой речи. – Извините.

Подхватив под руку Гиули, она попыталась обойти его. Но Асатиани, вмиг поняв, что девушка вновь намерена сбежать, властно выпалил:

– Подождите, госпожа! Мне надо переговорить с вами об одном деле.

– Не думаю, что теперь у меня есть время, – заметила Софья, когда Асатиани вновь встал на их пути.

– Это срочный вопрос. Гиули, оставьте нас! – велел он жестко.

– Но Гиули мне нужна, – попыталась возразить Софья, боясь оставаться наедине с ним.

– Гиули, я велел вам уйти! – уже с угрозой приказал он.

Вперив повелительный взор в горничную, Амир отметил, что она испуганно взглянула на него и, послушно поклонившись одной головой, быстро удалилась в направлении дома. Едва

Гиули исчезла за поворотом, он стремительно дернулся к Софье. Притиснув девушку к своей груди, Амир прижал ее к вертикальной зеленой лиане, которая росла по стене вверх.

– Моя красавица, – прошептал он страстно, впиваясь губами в ее шею и разминая нетерпеливыми руками тонкий стан. – Я все время думал только о тебе, мой цветочек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.